

Сьюзан Кинг

Острые шипы страсти

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1994

УДК 821.111 (73)
ББК 84.7США

Кинг С.

Острые шипы страсти / С. Кинг — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1994

Средневековая Англия. Когда-то отец золотоволосой Эмлин спас разбойника Торна от стражников жестокого лорда Уайтхока. Прошли годы, и настало время отплатить добром за добро. Прекрасная Эмлин отчаянно нуждается в помощи! По воле короля она должна стать женой старого лорда. Как избежать ненавистного замужества? Зеленоглазый разбойник предлагает ей защиту. Дремучий лес становится приютом для беглецов, а река — колыбелью их любви... Книга также выходила под названием «Пронзенное сердце».

УДК 821.111 (73)
ББК 84.7США

© Кинг С., 1994
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1994

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сьюзан Кинг

Острые шипы страсти

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Выражаем особую благодарность литературному агентству «Nova Littera» за помощь в приобретении прав на публикацию этой книги

Переведено по изданию:

King S. Black Thorne's Rose: A Novel / Susan King. – Topaz, 2013. – 416 p.

© Susan King, 1994, 2011

© The Killion Group, Inc., 2014, обложка, 2014

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2014

Дэвиду с любовью

Пролог

Англия Лето 1207 года

По залитой лунным светом глинистой дороге непреклонно следовали пять всадников, их плащи вздымались на ветру, как черные крылья, поблескивали кольчуги и рукоятки мечей. Когда наездники подъехали к изобилующему пещерами лесу, свирепый стук копыт пронизал мрачную тишину.

В центре этой группы ехал молодой человек в кожаном хауберке¹, его длинные темные волосы развевались за спиной. Увлекаемый вместе со всеми на бешеной скорости, он наклонился вперед, пытаясь ослабить натяжение веревок, закреплявших его в седле, и пошевелил связанными за спиной руками.

Всадники погрузились в неожиданный сумрак леса, слегка замедляясь на каждом повороте дороги. Лунный свет исчез за навесом из густой листвы, скрывавшим из виду каких-то существ, стремительно несшихся между деревьями впереди всадников, – их было не видно и не слышно. Между дубами, растущими вдоль тропы, прошмыгнул мужчина с двумя детьми; он остановился, чтобы посмотреть на приближающихся галопом всадников, затем рукой дал знак белому псу, бежавшему с ними.

Отреагировав на произнесенную шепотом команду, пес ринулся вперед и спустился по лесному склону – устрашающее пятно в молочном свете. Оказавшись на тропе перед надвигающимися лошадьми, он злобно зарычал.

Лошадь командира рванула в сторону и столкнулась с другими. Испугавшись, стражники поспешили обуздать своих скакунов. Арестант повернулся и огляделся вокруг, стараясь удержаться в своем шатком седле. Огромный, как волк, белый пес продолжал метаться поперек глинистой тропы перед ними.

– Уничтожьте это животное! – выкрикнул командир. Три меча были вынуты из ножен. Четвертый страж направил на беспокойного пса заряженный арбалет. За тропой раздался громкий свист, и за миг до того, как тяжелая арбалетная стрела вонзилась в землю, пес прыгнул в густые заросли.

Невидимый за сбившимися в кучу лошадьми, какой-то человек, пригнувшись, быстро направился к арестанту. В его руке блеснуло острое кинжала. Несколько быстрыми точными ударами он разрезал ремни, сдерживающие пленника. Почувствовав свободу, арестант обернулся, но увидел лишь колыхание зарослей невдалеке.

Командир сделал отряду знак двигаться вперед, и лошади, уже без былой прыти, пошли по тропе. Сжав развязанные руки за спиной, арестант резко ударил ногой свою лошадь. Скакун сделал неуверенный шаг в сторону и отстал от остальных.

Дорога сужалась, минуя выступающие корни двух огромных дубов, чьи ветви переплелись наверху. Проезжая под этой природной аркой, арестант потянулся вверх и схватился за нижний сук. Поставив ноги на седло, он оттолкнулся и исчез в темной листве. Ничего не подозревающие стражники ускакали вперед, и лишь через некоторое время один из них оглянулся, закричал и повернул назад; остальные последовали за ним. Над их головами беглец осторожно забрался еще выше и нашел себе укромный уголок.

– Это все та борзая с холма – зверь, принадлежащий злым духам, – произнес один из мужчин, когда отряд замедлил шаг, вновь проходя под аркой из дубовых веток.

¹ Хауберк – кольчуга с капюшоном и рукавицами. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

– Да, или заколдованный волк, – согласился другой. – Готов поклясться, этот Черный Торн наверняка в союзе с лесными духами.

– Духи или нет, а лорд Уайтхок головы нам снесет, если мы снова потеряем этого Торна, – проворчал другой стражник.

– Да, Уайтхок вряд ли простит такое, – сказал командир, напрягшись в седле. – Поэтому мы должны найти его. Этьен, Ричард – ищите в том направлении. – Он указал в сторону леса. – Стреляйте вверх из арбалетов. Наверное, он на дереве.

Ричард недовольно возразил:

– Это безумие – преследовать Черного Торна ночью в этом лесу. Мы удалились далеко на юг от наших мест.

– Тут могут поджидать и другие демоны, – добавил Этьен.

– Плаксивые остолопы! – рявкнул командир. – Он здесь – найти его! – И ускакал.

Лучи лунного света проникали сквозь густую листву леса, образуя зловещие фигуры. Вглядываясь в полумрак с безопасной тропы, стражники тихо разъехались в разных направлениях, держа наготове мечи и арбалеты. Каждый из них быстро осенил крестным знаменем шлем или кольчугу. Вскоре они вновь сошлись у входа в лес, поставили лошадей в круг и продолжили спор.

Черный Торн спустился с высокого дуба и бесшумно прыгнул на землю. Дуб стоял на краю поляны, поэтому он замер. С противоположной стороны залитого лунным светом круга за ним внимательно наблюдал белый охотничий пес, и низкое рычание доносилось из его груди.

У мужчины промелькнула мысль, что стражники все-таки были правы – это не обычное животное, а скорее, одна из белых собак, которые, как говорят, сопровождают фей. Он пришел к такому заключению, потому что именно фея – миниатюрная, идеальная, покрытая золотой и серебряной паутиной – стояла возле охотничьей собаки.

Она направилась через поляну. В бледном облаке лунного света вокруг ее плеч блистали изящные локоны. Она шла, немного подпрыгивая.

Торн прищурился и вздохнул с облегчением. Никакое это не волшебное создание, а просто ребенок, девочка. Невысокая для своего возраста (ей было, наверное, лет двенадцать или тринадцать), она была одета в длинную свободную тунику и мягкие узкие сапоги. Голова семенящего возле нее пса торчала на уровне ее пояса.

Торн медленно выпрямился, и его худощавая фигура слилась с очертанием старого дерева. Девочка остановилась, подняла лицо и с нескрываемым любопытством посмотрела на него своими огромными ясными глазами. Белый охотничий пес снова зарычал, и она положила руку ему на голову.

– Успокойся, Каджиль, – сказала она. – Это друг.

Пес на секунду затих, затем посмотрел в сторону, напрягся и снова оскалил зубы.

Торн услышал какой-то слабый звук, донесшийся с другой стороны поляны. Он протянул руку и сжал тонкое плечико девочки.

– На дерево! – быстро прошептал он, поднимая ее на самую низкую ветку. Легкая и быстрая, как эльф, она резво взобралась выше. Он подпрыгнул вслед за ней и прижался к толстому суку.

Пес продолжал ходить под деревом, и малышка наклонилась вниз.

– Каджиль! Иди – найди Уота! – прошептала она.

На поляне раздался свист, и полетели стрелы. Над Торном затряслась ветка. Девочка негромко вскрикнула, он схватил ее протянутую руку и помог спуститься к себе на широкий прочный сук.

Еще один шквал стрел со свистом пронесся между ветвей. Торн прикрыл рукой макушку девочки, желая защитить ребенка от увечий, спрятать ее светлую головку. Хотя ее

маленькие плечи дрожали, она не издала ни звука. Арбалетная стрела просвистела сквозь густую крону прямо над их головами и вонзилась в дерево, осыпая их листвой. Эти двое пригнули головы и прижались друг к другу, как курица-наседка с цыпленком под крылом.

На поляне воцарилась тишина. Новых выстрелов не последовало, поэтому Торн поднял голову и обвел взглядом каждую подозрительную тень на поляне.

Сквозь ширму листвы он разглядел под деревом темные фигуры двух стражей на лесной тропе. Мужчина крепко обнял ребенка, и в его мыслях пронеслась молитва, не произносимая им с самого детства. Он наблюдал, как стражники поговорили, потом повернули своих лошадей и уехали из леса.

Облегченно вздохнув, он прислонил голову к стволу дерева, но сразу же снова напрягся, потому что с поляны донеслись новые голоса.

– Уот! – Девочка так быстро слезла с дерева, что Торн, спускавшийся за ней, почувствовал себя стариканом. Оказавшись на земле, он увидел белого пса, радостно прыгающего возле хозяйки. Через поляну к ним направлялись двое: высокий юный блондин лет пятнадцати, очень похожий на девочку (наверняка они были родными братом и сестрой), и дородный мужчина в кольчуге.

– Пресвятая Богородица, ты не пострадала! – глухо произнес мужчина, прикоснувшись к плечу девочки. Брат положил руку ей на голову и, не говоря ни слова, участливо погладил ее волосы.

Повернувшись к Торну, мужчина тихо сказал:

– Мы перед вами в долгу.

– Нет, это я обязан вам, – ответил тот. – Я до сих пор был бы под стражей, если б не этот охотничий пес. Это вы обрезали на мне веревки?

– Да. Меня зовут Уолтер Лиддельский. Если вы тот, кого называют Черным Торном, то у меня для вас послание.

Бывший заключенный погладил бороду и склонил голову в тревожном ожидании. Его длинные, в саксонском стиле, волосы блестели при лунном свете, черные как смоль.

– Я это он.

Уолтер кивнул, темные глаза его сверкнули. Он потер суровую мощную челюсть.

– Теперь слушайте, потому что ваш эскорт еще наверняка поблизости. Барон де Эшборн велел мне убедить вас вернуться на север и продолжить предпринятые вами ранее попытки, – произнес он. – Никому не рассказывайте об этой встрече, но знайте, что вы не один противостоите жестокости лорда Уайтхока. – Он резко выдохнул и окинул Торна тяжелым взглядом. – Стража наверняка везла вас в темницу короля в Виндзор, молодой человек. Это грязная яма, в которой людей лишают разума.

– Так я и думал, пока мы ехали на юг. В таком случае благодарю вас, Уолтер. Передайте барону, что его доверие – честь для меня. – Он посмотрел на девочку и ее брата. – Это ваши дети?

– Нет, сэр. Они увязались за мной, а я понял это слишком поздно. Я полагаю, они никому не позволят командовать своим щенком.

Торн кивнул.

– Благодарю за то, что вы сделали этой ночью, – тихо сказал он. – Я не забуду этого. Видит Бог, я готов отдать жизнь за каждого из вас.

Уолтер положил руку на плечо Торна.

– Мы должны идти. За поляной, сэр, там... – он указал рукой, – есть оседланная лошадь, она привязана к орешнику. Вы найдете там также лук и колчан.

– Да хранит вас Господь, сэр, – сказала девочка.

Торн опустил глаза на ее личико с тонкими чертами. При лунном свете ее глаза казались серебряными, она смотрела на него с чисто детским любопытством и в то же время с живым участием.

Тишину нарушил стрекот незаметно упавшей на поляну арбалетной стрелы. Уолтер схватил девочку за руку и увлек в сторону. Они шмыгнули в заросли папоротника, за ними по пятам следовали мальчик с собакой. Торн быстро направился к ожидающей его лошади. На пустой поляне прожужжал звук выстрела.

Торн побежал – движения его высокой крепкой фигуры были плавными и сдержанными. В чаще у него за спиной раздались крики: это стража шумно скакала через подлесок. Вскоре воздух пронизал свист пролетающих стрел – они вонзались в деревья и ударялись о землю. Невредимый, он продолжал бежать к лошади, пригибаясь под ветками и перепрыгивая через папоротник.

Развязав поводья, он запрыгнул в седло и направил коня к тропинке, которая спускалась к широкой лесной дороге. На седле висели лук и полный колчан, но мужчина не стал тратить на них время.

Мимо ужасным градом хлестали стрелы. Одна из них оцарапала его скулу, а вторая тяжело ударила под лопатку и глубоко вонзилась в его кожаную кольчугу. Не останавливаясь, сжав зубы от боли, он отвел руку за спину, дотянулся до стрелы и резким движением вытащил ее.

Позади слышался грохот копыт, но его конь оказался быстрым и бесстрашным, да и Торн был отменным наездником, которого сейчас не обременял вес доспехов. Вскоре он хорошо оторвался от стражи, направляясь по старой дороге на север. С первыми лучами солнца он выехал на охотничью тропу, ведущую через холмы. Его преследователей уже не было видно в белом тумане.

Хотя стрела вонзилась в его спину глубоко, он продержался два дня, все больше слабея, пока не доехал до северных вересковых пустошей. Там он повалился с лошади у основания древнего каменного монолита, словно это было его надгробие.

Глава 1

Англия Апрель 1215 года

Внезапный порыв ветра унес ее последнюю стрелу. Выпущенная из лука и подхваченная ветром, стрела очертила высокую дугу и пролетела мимо цели. Когда она исчезла в густой листве деревьев возле лесной тропы, Эмлин де Эшборн вздохнула и повесила лук на плечо. Плотнее завернувшись от холода в свой зеленый плащ, она накинула капюшон на льняные косы и направилась к тропе.

Она училась стрелять, но сегодня ее выстрелы были неточными, по большей части из-за ее неопытности, чем из-за ветра. Из дюжины стрел с серыми перьями, которые она несла в кожаном колчане, свисающем с ее ремня, осталось лишь четыре. Эту нужно бы отыскать, если она желает продолжать учебу.

Эмлин быстро передвигалась под навесом из лесной зелени, сквозь которую все же пробивались лучи солнечного света. В чистом весеннем воздухе слышался шелест листвы. Она радовалась, что пошла на этот риск, сбегав в лес после нескольких месяцев надоевшего заключения.

Но в лесу, подобном этому, поздней осенью прошлого года был арестован людьми короля Иоанна ее брат Гай, барон де Эшборн. Из предосторожности сенешаль замка, который переживал за их безопасность, всю зиму не позволял Эмлин, двум ее младшим братьям и сестре покидать стены замка. Даже сейчас никому не было известно, где держат Гая и жив ли он еще.

Стрельба из лука, которой начал обучать ее брат еще до того, как его захватили, была забыта до нынешнего дня. Эмлин не очень преуспела, она была напряжена и неповоротлива, ее пальцы не слушались, будто деревянные. Сегодня она не собиралась охотиться, а приехала сюда в надежде поупражняться на открытой местности.

Используя короткий женский лук, было сложно подстрелить мелких быстрых животных или птиц – хотя, видит Бог, теперь в Эшборне нужна любая дичь, – но тем не менее она с детства была зачарована скоростью полета стрелы, грациозностью этого оружия, а также сложным мастерством, которого требовало обращение с ним. Во время стрельбы по мишеням во дворе замка Эмлин всегда громко аплодировала мужчинам, которые целились в мешки с сеном и соломенных чучел, одетых, как французские солдаты или, в последнее время, как король Иоанн.

Оглядываясь по сторонам в поисках пропавшей стрелы, Эмлин приблизилась к лесной тропе, где деревья росли реже. Испугавшись неожиданного звона металла, она быстро спряталась за широким дубом, ее сердце бешено колотилось.

– Дьявол! – Тишину и спокойствие нарушило раздраженное проклятие, произнесенное мужским голосом. Эмлин опустила лук и осторожно выглянула из-за ствола.

На тропе в нескольких ярдах от нее верхом на огромной черной лошади сидел мужчина в длинной кольчуге и смотрел в противоположную сторону. Его длинный голубой плащ накрывал заднюю часть животного. С луки высокого седла свисал белый щит с узором.

Хотя зелено-белый герб с соколом и ветвью был незнаком ей, Эмлин понимала, что такой щит, а также отличное снаряжение лошади могли принадлежать только благородному рыцарю. Он мог оказаться человеком короля. Уот предупреждал ее именно о такой опасности в лесу. Девушка пригнулась, чтобы ее не было видно.

Лошадь медленно ходила по кругу на тропе. Эмлин стало интересно, почему рыцарь так насторожился, вытащил меч и держал его наготове. Тишину леса нарушал тихий топот лошадиных копыт, негромкое позвякивание доспехов и периодически вырывающиеся проклятия.

Опасаясь, что неподалеку может быть кто-то еще, она решила отойти глубже в лес и сделала шаг назад. Под ее ногой громко хрустнула сухая ветка.

В ту же секунду рыцарь повернул голову и заметил ее между деревьев. Он развернул огромного черного жеребца и направил его вперед.

– Эй! Подождите! – крикнул он.

Эмлин остановилась. Он натянул поводья гигантской лошади у края тропы в нескольких шагах от девушки. Она уперлась взглядом в большую темную голову животного, затем опустила глаза на его сильную грудь и плечи, а потом – на заключенные в доспехи длинные ноги рыцаря.

И увидела свою пропавшую стрелу, под странным углом торчащую из его бедра.

Стрела покачивалась. Липкая кровь образовала вокруг пораженного участка пятно карминного цвета. Девушка медленно подняла сочувствующий взгляд к лицу рыцаря.

Под темными прямыми бровями его глаза пылали таким же стальным блеском, как и доспехи.

– Выходите, – приказал он, и его низкий голос эхом разнесся по лесу.

Эмлин не сводила со стрелы перепуганных глаз. Затаив дыхание, с бешено стучащим сердцем она сделала шаг навстречу лошади. Рыцарь возвышался над ней, пока она топталась на месте.

Он сунул меч обратно в ножны.

– Юная дева, я должен вытащить эту стрелу, – прорычал он. – Я требую вашей помощи.

Помощи? Она посмотрела на него с удивлением. Черты его лица наконец приобрели какую-то форму под капюшоном кольчуги – они казались грозными и суровыми под темной щетиной. Он поднял бровь в ожидании.

– Хорошо, – произнесла девушка, – но я не могу достать отсюда.

– Мои доспехи тяжелы, – строго ответил он. – Если я спешусь, то потом мне нелегко будет залезть обратно с раненой ногой. Вы должны вытащить стрелу, юная леди, и сейчас же. – Он указал рукой на широкий пенек. – Встаньте туда.

Эмлин повиновалась, удивляясь про себя: неужели все выполняли приказы человека с такими манерами? Но она только что подстрелила его и потому покорно влезла на пенек и подождала, пока он подведет лошадь ближе.

– Возьмитесь за стрелу, – командовал он, и девушка обвила пальцами древко. Сняв перчатки, он положил свою руку чуть ниже ее пальцев и надавил на ногу. Его касание было холодным. – Когда я скажу, вы должны тянуть быстро и сильно.

– Но я... – запнулась она и прикусила губу.

– Мне пришлось бы сделать это самому, не будь здесь вас.

Кивнув, она крепче сжала руку и услышала, как рыцарь вдохнул, приготовившись. Она уловила на себе острый взгляд его серых глаз.

– Тяните! – скомандовал он. Девушка с силой потянула. Когда острое вышло, оставив после себя дыру в теле, он громко выдохнул, сдерживая стон. Из раны потекла теплая кровь.

Потом Эмлин поняла, что наконечник стрелы не пройдет сквозь кольчугу так же легко, как вошел туда изначально. Она осторожно высвободила его из сети металлических колец, ощущая суровое молчание рыцаря.

Полностью извлекая стрелу, она вытащила из своего рукава платок и надавила на кровоточащее место. Тогда рыцарь взял у нее платок и сам начал останавливать кровь. Он нахмурился, черные ресницы сомкнулись полумесяцем, а губы крепко сжались от боли.

В левой руке Эмлин неуверенно держала окровавленную стрелу. Она не могла так просто вытереть ее и бросить в колчан под своим плащом.

Рыцарь наклонился, взял у нее из рук стрелу и начал изучать наконечник.

– Здесь нет меток владельца. Это охотничья стрела с широким зубцом для мелкой дичи. – Он посмотрел на Эмлин. – Расскажите мне, что вам известно об этом нападении. Где плут, стрелявший в меня из лука?

– Нападение? – Она нервно закусила нижнюю губу.

– Никто не пришел за стрелой, я не видел ни разбойников, ни охотников. – Он наклонился вперед, его серые глаза были суровы и холодны, как иней на камне. Он коснулся ее плеча свободной рукой, крепко сжав его своими длинными пальцами. – Почему вы здесь, в этом лесу, юная дева?

Хотя ее первым желанием было высвободиться из его хватки и убежать в лес, благоразумие и годы, проведенные в монастыре, советовали ей признаться. Но когда Эмлин открыла рот, послышался только какой-то слабый лепет, похожий на мышинный писк. Она боялась его реакции на правду. Беспощадные рыцари, подобные этому, захватили Гая. Этот человек может навредить ей, даже убить за совершенное ею деяние.

Легко зажав стрелу между двумя пальцами, рыцарь той же рукой держал поводья. Другой рукой он продолжал сжимать плечо Эмлин.

– Говорите! Вы пришли вместе со своим отцом или братом, чтобы охотиться на королевских оленей?

– Нет, сэр. Это строевой лес, принадлежащий Эшборну, – изгородь и ров отгораживают его от мест обитания оленей.

Мужчина посмотрел, куда она указала. Сквозь деревья просматривалась густая изгородь, окружавшая внешнюю часть леса. Если за ним хорошо ухаживать, такой барьер отпугивает крупных животных, в особенности оленей, и они не заходят в лес, чтобы поесть черенков и коры деревьев, выращиваемых для строительства.

– Поскольку король некоторое время назад приказал, чтобы все изгороди стали ниже, – продолжала она, – эта совсем недавно была подрезана. Остальные повалились от зимних ветров. Скоро олени смогут свободно сюда заходить, потому что им ничто не будет препятствовать – благодаря королю Иоанну. Это старая тропа, ею почти не пользуются, она ведет к замку.

– Строевой лес, – сухо произнес человек. – И здесь нет никого, кроме вас...

Эмлин сделала глубокий вдох и решила рассказать правду. Ее сердце громко стучало, пока она быстро произносила свое признание.

– В вас стрелял не разбойник и не браконьер, милорд. Это была моя стрела, выпущенная моей собственной рукой. – Она съежилась, приготовившись бежать, но он так крепко держал ее за плечо, что попытайся она увернуться, поплатилась бы целостностью плечевого сустава.

Наступила секундная пауза, затем в воздухе над ее головой раздался громкий смех.

– Что же мы с вами не поделили? Говорят, что бандит Черный Торн уже давно мертв, а никто другой не осмелился бы напасть на меня. – Он подался вперед и рывкнул: – Не надо защищать свою семью, своего любимого щеголя или своего муженька! Где плут, стрелявший в меня?! – Его голос стал угрожающе низким. – Не играйте со мной. Я еле сдерживаюсь из-за боли, к тому же мне надо быть в другом месте!

Эмлин съежилась, когда сила его ярости стала очевидной. Она слегка повернулась, от этого движения ее плащ приоткрылся и показался кожаный колчан. Внутри задребезжали четыре точно такие же стрелы.

Он уставился на них, затем на нее.

– Так...

– Да, милорд, – несчастным голосом произнесла она.

– Зачем вам нападать на меня? – Он почти рычал.

– Я не хотела причинить вам боль, сэр. Это была случайность. Я тренировалась стрелять из лука. – Он молча наблюдал за ней. – Ветер унес мою стрелу. Я целилась в буковый ствол, – сбивчиво добавила она. Рыцарь по-прежнему не отвечал, но его хватка ослабла. – По правде говоря, милорд, я плохой лучник.

Он проворчал:

– Это уж точно.

Эмлин кивнула.

– Увы! Простите меня во имя Пресвятой Богородицы. Нехорошо ранить человека.

– Действительно, нехорошо. – Неожиданно он отпустил ее плечо, и она начала массировать его. Рыцарь глубоко вздохнул, наблюдая за ней секунду-другую, его темные брови насупились. – Хм, – пробормотал он. – А я должен извиниться перед вами, что не могу посадить вас на вертел и поджарить. Хотя руки чешутся, уверяю вас. – Он протянул ей стрелу. – А теперь уходите.

Взяв стрелу, Эмлин спрыгнула с пня и взглянула на рыцаря. Над темной щетиной его глаза были серыми, как сталь. Даже боль и ярость не портили его красоты. Вспомнив, что у него открытая болезненная рана, Эмлин озадачилась вопросом, далеко ли ему еще ехать.

– И еще! – выкрикнул он. – Я узнаю имя нападавшего на меня.

Прежде чем она успела ответить, в лесу раздался крик.

Рыцарь обернулся в своем седле и крикнул в ответ. По лесной дороге загремел топот копыт. Эмлин ужасно захотелось убежать: не нужно было ей приходить сюда одной, беззащитной, не следовало забираться так далеко от дома.

– Идите же, – сказал рыцарь, казалось, почувствовав ее желание. – И оставьте стрельбу тем, кто может делать это лучше. – Повернув своего коня, он ускакал навстречу приближающемуся всаднику.

Эмлин почувствовала сожаление и симпатию к этому раненому рыцарю. И вместе с тем некоторые его слова наполнили ее гневом. Зайдя в густые заросли строевого леса, чтобы подобрать свой лук, она пробормотала несколько недобрых фраз, которых лучше было никому не слышать, и направилась в Эшборн. За забором ей не грозит попасть из лука в какого-нибудь молодого рыцаря. Однако ей грозит гнев Тибби, если только та не слишком занята.

Войдя в помещение, смежное с большим залом, Эмлин отодвинула в сторону красную штору, висевшую у входа, и заглянула внутрь. «О боже, – запыхавшись, подумала она, – я пропустила ужин, и меня наверняка вычислили».

Несколько служанок ставили на место у стены узкие лавки и деревянные столы, за которыми проходила вечерняя трапеза. Одна из них быстро подметала пол, вторая складывала в корзину оставшиеся куски хлеба, чтобы отнести их завтра в деревню. Возле огромного камина у дальней стены стоял длинный стол из тяжелого дуба. Его отполированная поверхность была пустой.

– Леди Эмлин! Вот вы где! – Разнесся по залу хриплый теплый голос. Эмлин вздрогнула. Стремительно оглядывая пространство, она не заметила Тибби.

Приземистая властная женщина пересекала комнату как надвигающаяся туча – несколько слоев юбок колыхались вокруг ее ног. Эмлин, смирившись, приоткрыла занавес шире.

– Да, Тибби?

– Позвольте мне взять ваш плащ, миледи. – Тибби протянула руку, чтобы снять с Эмлин плащ. Пятясь, та нащупала бронзовую булавку-застежку.

Потянув за тяжелый шерстяной край, Тибби открыла рот от возмущения.

– Эмлин де Эшборн, этот плащ промок! Дайте-ка его сюда!

Девушка сняла плащ.

– Он едва влажный.

– Влажный, как же, и заляпанный грязью с обрывками листьев и чем-то еще! – Тибби провела пухлыми пальцами по ткани, подцепляя веточки и листья. В сумрачном свете факелов она не сводила грозных глаз с Эмлин. – Вы выходили за ограду без охраны и даже без собаки, которая могла бы защитить вас, уж я#то знаю.

– Да, это так, – вздохнула Эмлин, по опыту зная, что от Тибби ничего не утаишь.

Перебросив плащ через руку, Тибби сложила ладони над своим круглым животом и ждала, глядя Эмлин в глаза. Ни одна из них не была высокой, но Эмлин обладала тонкой статью, Тибби же была в два раза шире, сильная, как дуб.

– Порой здесь тихо, словно в могиле, – сказала Эмлин. – Поэтому я ушла. Уот не разрешил бы мне уйти, и вы тоже. Я же только в строевой лес...

– Сэр Уолтер не какой-то там старый глупец, и вы должны слушаться его. Что было бы, встретить вы в лесу людей короля? Уот говорит, что они всегда рядом теперь, и неизвестно, когда они придут за вами или за всеми нами, спаси нас Господь. – Тибби быстро перекрестилась над своей широкой грудью и уперла руки в бока.

Эмлин вздрогнула от страха, вспомнив рыцаря в лесу. Она мысленно увидела его глаза в то мгновение, когда он сжимал пальцами стрелу, торчащую из его бедра. Сейчас страх, который она почувствовала в те минуты, вновь вернулся.

Тибби и Уот, сенешаль замка, яростно оберегали ее и младших детей де Эшборна с тех пор, как Гая арестовали на охоте. Долгая зима прошла в напряжении, которое усилилось, когда король потребовал непомерных налогов – штрафов, как называл их глашатай.

Оставшись за хозяйку, Эмлин делала все возможное, чтобы заботиться о детях и домо-чадках. Ей удалось отправить королю несколько серебряных монет, хотя это опустошило сундуки, но деньги были единственной надеждой опять увидеть Гая невредимым. За время долгой зимы Эмлин честно старалась полагаться на Бога и обращать свой гнев в прощение. Но она находила это чрезвычайно сложным.

Хотя ее родители умерли, а старших брата и сестры не было с ними, два ее младших брата и сестра – то ли по Божьей воле, то ли по чьей-либо еще – находились в целости и сохранности под ее опекой. После захвата Гая Эмлин дала обет Пресвятой Деве Марии никогда не бросать детей, желая, чтобы в их жизни не было потерь, которые познала она. Как их единственный опекун она могла об этом лишь просить, предлагая взамен непогрешимую веру.

Тибби не унималась.

– И что же, – многозначительно спросила она, – вы делали в лесу одна? Почему не взяли Каджиля?

– Тренировалась, – ответила Эмлин. – А Каджиль стареет.

– Что за вздор! Только не лук и стрелы! – Тибби сердито посмотрела на нее. – Еще в детстве вас искушали эти штуки. Это все из#за того преступника, которого вы встретили на свою беду. Иначе вы всегда были бы покорной девушкой.

– Ох, Тиб, – вздохнула Эмлин. Ее так часто корили за непокорность. – Гай не видел ничего зазорного в стрельбе из лука, он первым и показал мне, как это делать. Многие леди охотятся с луком.

– Фу! Те изящные леди, которые бродят по лесу во время охоты, нацелены на дичь покрупнее кроликов! Лишь некоторые из них идут на этот подвиг ради прелести стрельбы

из лука, а большинство – ради молодых лордов, которых могут встретить на охоте. Если бы вы не провели последние годы в монастыре, то знали бы это.

Тибби быстро перевела дыхание и понеслась дальше:

– А вы убежали от тех, кто защищает вас от брюха этого проклятого короля – прости Господи, но он такой, и мы знаем это, – чтобы пойти пострелять в крошечных созданий? Вам следует пребывать в молитве за бедняжку барона Гая, спаси его Господь. – Тибби снова перекрестилась и вздохнула, качнув белым накрахмаленным чепчиком. – На самом деле я не могу винить вас.

Эмлин прищурилась.

– Тиб?

– Неудивительно, что вы убегаете из этого мавзолея, как его называют, учитывая все наши теперешние беды. Вы поймали какую-нибудь дичь к столу?

За двадцать с лишним лет постоянного щебетания и увещаний няни Эмлин привыкла к быстрой смене ее настроений: мысли той перескакивали туда-сюда, как птицы с ветки на ветку. Не было на земле никого более любящего и заботливого, но те, о ком она заботилась, вынуждены были терпеть бесконечный поток громких оживленных суждений.

– Эмлин, дорогая, вы принесли нам зайца или белку? – повторила Тибби.

– Н#не совсем. Я не очень хороший стрелок. – Девушка почувствовала досаду, вспомнив о рыцаре, – темные глаза, теплые руки, резкие слова и... кровавая рана.

– Жаль. Господь знает, что теперь нам нужно больше еды, а здесь слишком мало мужчин-охотников, – сказала Тибби. – Денежные взыскания короля почти опустошили нас. Бочки с соленым мясом без малого пусты.

Эмлин вздохнула, зная, что все это правда. Вопреки стараниям домочадцев, слуг и работников крепости, кухни, пивоварни, конюшни и кузни, их запасы истощались. Также не наблюдалось и обнадеживающего присутствия гарнизона в замке.

В настоящее время по парापету ходило всего несколько вооруженных человек. Когда забрали ее брата Гая, большая часть воинов, которым они платили, куда-то ушла по приказу короля. Учитывая малое количество мужчин, ценен был каждый, кто умел охотиться. Недостаточное количество солдат также означало, что замок Эшборн не смог бы долго сопротивляться в случае нападения извне.

– Нам удалось продержаться до этого времени, – сказала Эмлин Тибби. – Как-нибудь я заплачу оставшуюся часть выкупа за Гая. В этом году шерсть овец принесет хорошую прибыль.

– Молитесь, чтобы нашему алчному королю этого хватило, – проворчала Тибби.

– Конечно, он примет следующий платеж частями.

– Гм! – прокомментировала Тибби, больше верящая в кнут, чем в пряник. Эмлин улыбнулась.

Спасибо Небесам, что они могли положиться на мудрость и опыт Уолтера де Лидделя, который был сенешалем Роджера де Эшборна и остался на должности при его сыне Гае. С таким руководством Эмлин удалось сохранить более-менее сносную прислугу в замке, чему она была несказанно рада. Она хотела любой ценой защитить младших братьев и сестру от неприятностей и считала себя ответственной за них. Отец поручил их ей и Гаю, когда умирал.

– Должно быть, близнецы чем-то слишком уж заняты, если здесь так тихо, – заметила она, оглядываясь вокруг.

Тибби прищурилась, ее короткие пушистые брови высоко вскинулись над ярко-голубыми глазами, а на одной щеке неожиданно образовалась ямочка.

– Если тихо, значит, заняты? Дети? Тишина порой – это самая настоящая неприятность! Вы и ваш брат Гай, благослови его Господь... этот негодяй король, прости Господи, – быстро

бормотала она, и ее указательный палец витал в пространстве, – та еще парочка, за которой нужно было следить, и ваша сестра Агнес и брат Ричард, до того как... Боже, благослови ушедшую душу этого молодого человека и присмотри за леди Агнес в монастыре! – Она поспешила продолжить: – Тогда я была моложе и следила за всеми вами, как сейчас за близнецами и этим драгоценным малышом, милашкой Гарри.

– Я уверена, Кристиан и Изабель метают дротики где-то на солнышке.

Засмеявшись, Тибби двинулась через холл, чтобы повесить плащ Эмлин на деревянную вешалку рядом с другими плащами.

– Я отправляла близняшек на кухню – они снова были голодны, и кухарка пообещала каждому из них по леденцу. Малыш Гарри уже спит, благослови его Господь. – Пока она говорила, из покоев над их головами неожиданно раздался громкий детский крик.

– Ангелы небесные, снова нашествие сарацин, – пробормотала Тибби.

– Это такая игра? Посвятите меня в нее. – Эмлин, шаркая кожаными подошвами по каменным ступеням, уже бежала вверх по изогнутой лестнице, ведущей к спальням над большим залом.

Глава 2

Остановив своего черного коня на гребне холма, барон Николас де Хоквуд острым взглядом изучал замок Эшборн. Холодный весенний воздух придавал зданию какой-то ювелирный блеск, оно выглядело, словно позолоченный ковчег на зеленом шелке. Стены были озарены полуденным солнцем, а вокруг простирались зеленеющие луга и леса.

Барон скрестил руки в доспехах и громко выругался. Каждое движение плеч лошади вызывало боль в его бедре. Он прождал здесь уже больше часа, однако лорд Уайтхок, очевидно, был доволен тем, что он здесь торчит. Раздраженно вздохнув, он потер мучительно ноющую ногу. Это задание было далеко не таким простым, как обещал король.

Снова внимательно осмотрев замок, Николас сделал вывод, что Эшборн, древний, но крепкий, был построен нормандцами. Эта цитадель и башни должны были простоять несколько столетий. Но он знал, что замок скоро разграбят. Его отец тоже это знал.

Внутри суетились слуги, несколько воинов и горстка детворы: задание будет выполнено без преград. Замок падет безмолвно и быстро, не от топора, а от пера. Приказ короля Иоанна был спрятан в подкладке голубого плаща Николаса. Неумолимый текст и королевская печать передавали Эшборн вместе с его окрестностями и имуществом во владение его отца, лорда Уайтхока.

Для себя ему ничего здесь не нужно.

Услышав равномерный топот копыт, он оглянулся через плечо. К нему скакал рыцарь в зеленом плаще. Вскоре он остановил свою рябую лошадь возле черного коня барона.

– Где Уайтхок? – нетерпеливо рявкнул барон.

Молодой рыцарь пожал плечами.

– На южной дороге его нет, милорд, хотя я проскакал назад несколько миль. Охрана направилась по этому пути и может что-то о нем узнать.

Николас опустил капюшон и огляделся. Его длинные темные волосы развевались на ветру, пока он осматривал ландшафт.

– Наверняка Уайтхок и король все переменили в последний момент.

Его спутник провел рукой по золотисто-рыжим усам и сердито пробурчал:

– Да, милорд, это так же верно, как и то, что вы с лордом Уайтхоком снова в ссоре.

– Ты это брось, Перкин! – выкрикнул тот. – Я лишь исполняю приказы короля. – Он дернулся в седле, и его бедро пронзила острая боль.

– Успокойся. Ты еще более раздражен, чем был, когда я оставил тебя здесь. Как твоя рана?

– Она незначительна, я уже говорил тебе.

– Мы должны найти охотника, чья стрела попала в тебя.

– Нет. Это царапина. Пустяки. – Николас отвел взгляд, мрачно усмехнувшись.

Он никогда не признается, что его случайно подстрелила девчонка, пока он, ничего не подозревая, шатался по лесу. Хотя он и Питер де Блэкпул, которого с детства прозвали Перкин², воспитывались вместе и были близки, как братья.

Питер почесал небритый подбородок с длинной щетиной ярко-медного цвета.

– Думаешь, девчонка, заправляющая здесь, достаточно взрослая, чтобы выйти замуж?

– Девчонка достаточно взрослая, – лаконично ответил Николас. – Четверо младших детей Роджера де Эшборна все еще проживают в замке. Девчонка самая старшая из них. – Он не рассказал о том, что еще ему было известно, – ведь несколько лет назад он просил руки старшей дочери, потому что был обязан ее отцу. Но Роджер де Эшборн внезапно умер,

² Perkin – имбирная коврижка, английское рождественское лакомство. (Примеч. пер.)

прежде чем соглашение было подписано. А затем король Иоанн пообещал руку девушки Уайтхоку.

– Сироты? О, лорду Уайтхоку не потребуется ничего завоевывать, – цинично произнес Питер. – Он приобрел молодую невесту и хороший замок. Вы, милорд, так не преуспели.

– Да уж, – пробормотал Николас. Король назначил его опекуном над младшими Эшборнами – он стал нянькой по директиве короля! – Где он, черт подери? Уже вечерет.

– Может, враги устроили ему засаду в лесу, – задумчиво проговорил Питер, и в его небесно-голубых глазах мелькнул веселый огонек.

– Перестань паясничать, Перкин, у меня нет настроения, – сказал Николас. – Ты же знаешь, что Уайтхок и шагу не ступит в лес, если есть другой путь. Он вечно опаздывает из-за своих суеверий. Не воин, а паралитичная старуха. – Он поерзал на лошади. – Клянусь, если он в скором времени не приедет, я с радостью брошу это дело.

– Никто из вас не обладает легким нравом. – Питер сощурил глаза: – О! Вон по старой римской дороге едет твой прославленный старик.

Дорога простиралась бледной лентой по открытым холмам. Группа всадников скакала по ней галопом. Во главе процессии на огромном белом коне ехал высокий мужчина в черных доспехах, а его длинные светлые волосы развевались, как шелковый флаг.

– Наконец-то, – буркнул Николас.

– Кто это с ним? Войско из тридцати – нет, сорока голов. У тебя, по крайней мере, хватило такта взять только восемь. И... черт возьми!

– Впереди Хью де Чавант.

– Этот косоглазый негодяй! – фыркнул Питер. – Зачем он здесь?

– Это так ты отзываешься о моем кузене? Он сейчас капитан охраны моего отца.

Питер с отвращением посмотрел на приятеля.

– Значит, он завоевал доверие Уайтхока.

– Уайтхок всегда ему доверял. И подарил ему небольшое поместье на границе с Уэльсом, хотя тот почти не живет там. Должно быть, он заработал это имущество в качестве командира гарнизона.

– Ну что ж, он молодец. Мне как командиру вашего гарнизона, милорд, повезло меньше, – задумчиво произнес Питер. – Не имеющий земли младший сын ушел скитаться по миру. – Он драматично закатил глаза к небу.

– Ты мог бы стать монахом... – Николас поднял бровь.

– Ха! Мой меч слишком счастлив висеть у меня на боку. И я очень хочу иметь свой собственный кусок земли. Турниры принесли мне два небольших поместья, но я должен еще постараться, чтобы уйти на покой в роскоши.

– Я с радостью отдам тебе мое положение наследника Уайтхока, – сказал Николас. – Он снова лишил меня наследства перед святками. Но в прошлом месяце, когда мы были вынуждены улыбаться и играть в суде родню, чтобы получить признание короля, он сообщил мне, что я его наследник раз и навсегда. Это значит, до тех пор, пока он не усмотрит во мне очередное зло.

Питер тяжело вздохнул.

– Будем надеяться, что он не обнаружит в тебе настоящего демона, сир.

– Да. – Николас направил своего коня вперед со злобным выражением лица. – Молись Богу, чтоб до этого не дошло.

Из маленькой комнаты слышались крики, сопровождаемые более громким свирепым воплем. Эмлин остановилась на верхней ступеньке, затем резко открыла арочную деревянную дверь.

Хотя крики Изабель доносились из глубокого оконного проема, Эмлин сразу же заметила, что девочка вне опасности. Второй причитающий вопль раздавался из-за балдахина вокруг кровати. Эмлин взяла Гарри на руки и успокоила, а затем повернулась к двум другим детям.

– Кристиан! Изабель! Прекратите это! – велела она громким решительным голосом. Гарри всхлипывал у нее на руках, обвивая ее талию своими теплыми пухлыми ножками.

Кристиан, до этого махавший деревянным мечом, попятился назад, когда старшая сестра вошла в комнату. Сейчас он робко опустил острие меча. Эмлин прошла мимо него.

Изабель свернулась калачиком в глубокой нише, визжа изо всех сил шестилетнего ребенка, спиной упираясь в крестообразное отверстие, которое было предназначено для лучников на случай защиты замка. Оно было достаточно большим, чтобы сквозь него проникал воздух и солнечный свет, но слишком маленьким, чтобы ребенок мог просунуть туда что-либо, кроме ручонки. Годами ранее их отец приказал поставить там железную решетку, потому что эта комната являлась детской спальней, в которой спала также Тибби.

– Так, Изабель, вылезай, – заявила Эмлин, помогая сопящей девочке слезть с подоконника.

Изабель повернулась и с укором посмотрела на Кристиана. Упрямо расставив ноги, он скрестил руки на груди. У него было более крепкое телосложение, чем у худенькой сестры-близняшки. Его медово-каштановые волосы были светлее ее темных блестящих локонов, хотя у обоих были глубокие васильковые глаза. Уже успокоившись, Гарри переводил взгляд с одной сестры на другую, его белые кудри вздрагивали всякий раз, когда он икал.

– Она моя пленница, – обратился к Эмлин Кристиан. – Она воин-сарацин!

Изабель быстро оправилась от обиды и топнула ножкой в маленькой войлочной туфельке.

– Я принцесса сарацин! Рыцари никогда не замахиваются мечами на дам и не сталкивают их с окон!

– Я не сталкивал тебя! Ты кричала, потому что я окружил тебя! Ты, дурноголовая принцесса!

– Ты король Ричард, а я твоя королева! – прокричала Изабель.

– У меня не будет королевы! – возразил Кристиан.

Эмлин стала между ними.

– Так, хватит, вы, оба! Эта комната не место для таких игр. Гарри спал. И ты, Изабель, прекрасно знаешь, как опасны окна. Кристиан, твоя сестра главнее. Ты младше ее на несколько минут. Когда-нибудь ты станешь рыцарем. Но ни один рыцарь не относится к даме с подобным неуважением. Даже если она дама сарацин.

– Я воин, – пробормотал Кристиан.

Эмлин вздохнула, посмотрев на брата.

– Мне кажется, тебе срочно нужны мальчишки, с которыми ты мог бы играть. Ну, теперь извинись перед Изабель и упомяни об этом в своей молитве перед сном. – Она убрала упавшие на его бровь мягкие завитки волос. – И попроси святого Георгия научить тебя большей обходительности.

– Хорошо, Эмлин, – угрюмо ответил мальчик и пробормотал извинение.

Пока он извинялся, в дверь ворвалась Тибби, ее широкая грудь вздымалась.

– Святые угодники! Что вы двое здесь делали? Опять христиане и сарадины, да еще и разбудили нашего Гарри. И где эта маленькая служанка, которую я послала вслед за вами, когда вы пошли в пекарню?

Изабель и Кристиан виновато переглянулись и стали плечо к плечу.

– Мы потихоньку оставили ее там, пока она лопала медовые пирожные.

– Я заберу их к себе в комнату, а вы снова уложите кроху спать, – сказала Эмлин и протянула ребенка Тибби. Он положил головку на мягкое плечо няни и начал сосать большой палец.

Эмлин увлекла близнецов в небольшой коридор, ведущий к ее комнате.

– Если будете вести себя тихо, то можете посмотреть, как я работаю.

Дети восторженно забежали в ее спальню – небольшую комнату, повторяющую очертания толстой стены замка, – и запрыгнули на удобный подоконник, пока Эмлин переодевалась в сухое платье из мягкой синей шерсти. Надев низко на бедра шелковый ремень, украшенный вышивкой, она наклонилась и отыскала под кроватью свои фетровые туфли.

Тибби не любила беспорядка в комнате Эмлин, но легкий веселый хаос всегда был присущ этой спальне. Даже годы в женском монастыре не отучили ее хозяйку от склонности к благородному беспорядку. Она так и не приспособилась к строгой дисциплине монастыря – ей часто говорили, что она нетерпелива и должна в молитве просить о спокойствии. И хотя атмосфера уединения способствовала тому, что ей часто хотелось мира и спокойствия, это почти никак не отразилось на ее организованности.

Переодевшись, она села на подоконник, расплела густые косы и расчесала спутанные волосы. Высвобожденные из тугой косы, шелковистые длинные пряди заблестели разными оттенками: светлый лен смешался с золотой пшеницей и грецким орехом – последнего оттенка были ее прямые серьезные брови. Расчесанные благоухающие волосы опускались до самых бедер. Девушка не стала снова заплетать их в косу, а надела на голову белый чепец из экзотического прозрачного хлопка. Тибби наверняка начнет ворчать из-за распущенных волос, подумала она.

Комната была залита солнечным светом, льющим сквозь арочное окно и падающим золотыми полосками на алые парчовые подушки на диване. Упрямый ветер дул в открытое окно, внося легкий запах фруктового сада.

Эмлин вдохнула прохладный воздух и выглянула в окно за стены замка, на зеленые кроны деревьев в лесу и роскошные луга. Там, подумала она, находится ничем не стесненная радостная исключительная свобода, которой по-настоящему обладают лишь немногие мужчины и еще меньшее количество женщин. Уверенная, что никогда не познает такой судьбы, девушка порой спрашивала себя, какой могла бы быть жизнь без стен и стражи, обязанностей и долгов.

– Ты пропустила ужин, – заметила Изабель.

– Да, я выходила в лес потренироваться в стрельбе из лука.

– Одна в лес?! Леди никогда не должна выходить без сопровождения!

– Весной там бродит Зеленый Человек, – заявил Кристиан. – Будь осторожна, он может отрубить тебе голову. – Он скосил глаза и высунул язык. Изабель испуганно взвизгнула.

Эмлин вздохнула.

– В следующий раз я расскажу вам кое-что менее зловещее, нежели сказка о Зеленом Рыцаре. Возможно, я поведаю своим непосадам о Бэве из Амтона. Он сражался с драконом, – проговорила она. Кристиан широко раскрыл глаза и оживленно закивал. – Однако никогда не бойтесь леса, дорогие мои, – это прекрасное спокойное место, – добавила старшая сестра.

«Чаще всего», – мысленно поправилась она, хотя и решила для себя пойти туда опять, чтобы отточить мастерство стрельбы из лука, пусть ее талант в этом и был невелик. Ей будет что ответить стреляющим из лука рыцарям.

– Теперь ты начнешь работать? – спросил Кристиан. Эмлин кивнула, поднялась и подошла к письменному столу, на котором лежал неплотный лист пергамента, придавленный по краям камушками. Прямо над ним на настенной полке стояли небольшие глиняные горшочки с густыми красками, раковины моллюска для смешивания красок, разные по размеру

кисточки, рог с чернилами и крупные перья. Эмлин взяла горшочек и две кисточки, опустила их на стол, затем пододвинула стул на трех ножках.

На поверхности пергамента уже было выведено несколько черных и красных букв. Эти слова не были написаны ее рукой, но она могла прочесть их, так же как и написать, благодаря настоятельнице монастыря, которая считала, что дворянки должны тренировать не только мозг, но и руки. Эмлин и другим девушкам вдобавок к уже привычному рукоделию преподавали чтение, письмо, азы математики, философии и теологии.

В монастыре было небольшое помещение для работы с рукописями, где монахини копировали и украшали ценные книги, которыми пользовались сами. Когда монахини узнали, что Эмлин отлично рисует, она стала проводить в мастерской много часов, старательно копируя буквы, пока те не начинали плыть перед ее уставшими глазами. Сама мысль об этой работе заставляла сгибаться ее правую кисть, словно пальцы сводило судорогой. Но она всегда радовалась любой возможности рисовать.

Отец одобрял ее обучение. Его младший брат, Годвин, монах Йоркского монастыря, был признанным ученым и художником, чьи работы украшали стены нескольких церквей и замков в северных районах. Ей было известно, что в настоящее время Годвин пишет хронологию британских королей и сам украшает ее страницы.

Когда Эмлин была маленькой, Годвин однажды приехал к ним на святки и ради забавы показал ей, как держать в руках кисточку. Она полюбила магию красок, их яркие цвета на плотной поверхности пергамента... И с тех пор начала рисовать.

Ветер всколыхнул завиток волос на ее плече, когда она приступила к работе. Придерживая одной рукой белое полотно, тоненьким концом кисти, которую перед этим окунула в серую краску, она дорисовала доспехи рыцаря, используя технику гризайль. Выводить мелкие кольца кольчуги для сцены битвы рыцарей было утомительно, и ей не терпелось закончить их. Но она была довольна этим решительным изображением, композицией, передающей ярость битвы.

Кристиан и Изабель стояли за ее спиной почти не дыша, на удивление тихо наблюдая, как она рисует. Орудую кисточкой, сестра рассказывала, что этот рисунок, как и другие, стоявшие на полке, иллюстрирует французскую героическую поэму о сэре Гае из Уорика. Она прочла вслух отрывок из французского текста с пергаментного полотна. Дети раньше уже немного слышали об этих приключениях, потому что Эмлин часто читала им перед сном или в дождливую погоду.

– Мне нравится то место, где сэр Гай сражается с драконом, – сказал Кристиан.

– Тебе нравятся только драконы и мечи, и еще боевые кони, – презрительно прокомментировала Изабель.

– Видите, теперь, когда закончила последний доспех, я могу начать раскрашивать, – сказала Эмлин. – Здесь два голубых цвета. Помогите мне выбрать. – Она вытащила восковые пробки из двух глиняных горшочков, и дети наклонились посмотреть на яркие краски.

Синий ультрамарин, насыщенный и яркий, был сделан из лазурита и доставлен из Святой земли, а потому представлял большую ценность и был очень дорогим. У Эмлин его было совсем немного, поэтому она редко им пользовалась. Другой был более темным, индиго, сделанным из распространенного растения, вайды красильной. Оба сухих пигмента были перемешаны со взбитыми яичными белками. Для получения других цветов, особенно красного и зеленого, Эмлин научили смешивать разные ингредиенты: желтки яиц, мед, вино, пиво. Художники ее дяди, насколько ей было известно, добавляли в определенную красную краску даже ушную серу, чтобы получить яркость.

Дети выбрали вайду, и она начала раскрашивать плащ и конское снаряжение. Кристиан и Изабель нависали у нее над плечом.

– Гай сохранит этот манускрипт, – сказала Изабель.

– Да уж, пусть постарается, – засмеялась Эмлин. – Я работала по ночам на протяжении полугода над этим подарком для него. – Она не прекращала работу над манускриптом, несмотря на задержание брата, чувствуя, что оставить ее – значит оставить надежду вернуть Гая.

Семь месяцев назад она купила через дядю Годвина незаконченный манускрипт, который хотела завершить и подарить брату на Новый год. Годвин прислал стопку легких пергаментных листов и копию рассказа о Гае из Уорика, сделанную писцом в мастерской монастыря. На некоторых страницах имелись пустые места, и она украсила их. Законченный манускрипт будет отправлен назад Годвину, чтобы его скрепили, обернули кожей и украсили инкрустированным деревом, если она сможет себе это позволить.

Закончив раскрашивать голубой плащ, Эмлин опустила кисть в горшочек с водой и взяла чистую, из кроличьей шерсти. Она выбрала емкость с алой краской, сделанной из железистой соли, разрешила Изабель вытащить из нее пробку и попросила Кристиана достать раковину моллюска, чтобы отлить туда немного новой краски.

Послышался стук в дверь, и сразу же показалась голова Тибби.

– Ах, миледи, – произнесла женщина с озабоченным видом.

– Что такое, Тибби? – спросила Эмлин.

– Сэр Уот желает видеть вас в большом зале. Он сейчас на парапете, и вы можете застать его там, если поторопитесь. Сюда едут всадники! – выпалила она.

Эмлин охватила паника, когда она подумала о рыцаре в голубом плаще, которого встретила в лесу, и девушка быстро сбежала по изогнутой лестнице в холл. Открыв дверь, она помчалась по соединяющей платформе, похожей на деревянный мост и связывающей цитадель с высокой внешней стеной. Она поспешила к Уоту, но остановилась, чтобы посмотреть через парапет.

Передвигаясь по дороге, ведущей к Эшборну, разноцветная переливающаяся масса вскоре приобрела отчетливый облик отряда вооруженных солдат.

– Пресвятая Дева Мария! – Эмлин затаила дыхание и наклонилась вперед, держась за неровный камень.

Сорок с лишним шлемов ритмично подпрыгивали вверх-вниз и сверкали на солнце. Впереди скакали двое мужчин, у которых за спинами развевались два флага. Один, на светлой лошади, был одет во все черное, его блестящие белые волосы не были защищены ни шлемом, ни капюшоном. Рядом с ним, на черном коне, высился рыцарь в голубой мантии и поблескивающих под ней стальных доспехах.

У девушки все сжалось внутри, когда она увидела его.

Приблизившись к обширному лугу у ворот замка, отряд проскакал галопом по траве, вздымая лошадиными копытами куски земли с обрывками цветов, и неуклонно проследовал в направлении Эшборна. На деревянном шесту, прикрепленном к седлу знаменосца, развевались флаги: на верхнем был виден королевский крест, а на нижнем внезапный порыв ветра приоткрыл изображение зеленого сокола на белом фоне.

Эмлин отошла от края парапета и прислонилась к грубому камню. С ее губ сорвался глухой стон, ей стало дурно.

Ее стрела угодила в посланника короля.

Глава 3

– Человек в черном? Да, я знаю его. О втором, в голубом, не могу с уверенностью сказать, – ответил Эмлин Уолтер де Лиддель. Они вдвоем стояли на стене и смотрели вниз на всадников. Именем короля знаменосец потребовал открыть ворота и теперь ожидал ответа от стражника, который в свою очередь ждал, что скажут леди Эмлин или сенешаль.

– Бертран де Хоквуд, граф Греймерский, прозванный Уайтхоком³ из-за своих белых волос, – продолжал Уот. – Влиятельный лорд, а также жестокий человек, как я слышал. У него в руках больше мелких баронов, чем ты можешь назвать, а кроме того – расположение короля Иоанна. А вон те двое – пара гнусных подхалимов.

Эмлин прикоснулась к руке Уота и почувствовала холод потускневшей стальной кольчуги. Высокий и широкоплечий, с карими глазами на покрытом шрамами лице, этот седовласый муж надел нынче темно-красный плащ, отождествляющий его с человеком барона де Эшборна. Уот был ближайшим другом ее отца и сенешалем замка на протяжении двадцати лет. Сейчас он смотрел на Эмлин с отцовской терпимостью, она же украдкой поглядывала за стену.

– Что лорду Уайтхоку могло понадобиться здесь, Уот? – спросила она.

– Кажется, он принес послание от короля, миледи.

– Что вы предлагаете? – Больше всего на свете ей хотелось, чтобы мужчина в голубом плаще умчался прочь.

Уолтер резко вздохнул, на его лице с тяжелым подбородком появилось несколько задумчивых морщин.

– Они не бросают нам вызов, а просят позволения войти. Я полагаю, мы разрешим войти только графу и тому, кто едет рядом с ним. Они оставят свое оружие возле ворот, а их люди смогут расположиться лагерем на поле, пока будет передаваться послание короля.

Эмлин не без труда кивнула.

– Я не стану приветствовать их во дворе замка, хоть это и моя обязанность. Но... я не могу. Я поручаю это вам, – произнесла она.

Уот кивнул и выкрикнул приказ стражникам. Ворота взвизгнули, когда толстые веревки медленно подняли первый ряд железных решеток. Эмлин подобрала юбки и бросилась назад в цитадель.

Тибби и близнецы стояли у окон в большом зале. Дети забрались на скамью под одним из них, огромным, состоявшим из трех арок, сверху витражным, а внизу – с деревянными ставнями. Кристиан громко возмущался по поводу того, что Изабель досталось лучшее место перед единственной открытой створкой.

– Через цветное стекло плохо смотреть, но оно создает прелестные блики на полу, вон там, – заметила Тибби, показывая на янтарные и красные полосы на полу. – А теперь, Изабель, подвиньтесь, пока я сама вас не отодвинула. – Тибби обернулась, когда вошла Эмлин. – Вы примете их, миледи?

– Да, – ответила Эмлин и направилась вдоль длинной комнаты к камину, при этом подол ее синей юбки шелестел по полу. Охотничий пес Каджилль лежал у камина, положив желтоватую голову на лапы, и тихо заскулил, когда она подошла ближе. Эмлин наклонилась и почесала ему голову, затем опустилась на резной стул с высокой спинкой, решив любезно встретить посланников.

Тибби подошла ближе, ее круглое лицо вытянулось, на нем отражалось опасение, глаза покраснели.

³ Whitehawk (англ.) – дословно «белый сокол». (Примеч. пер.)

– Будем надеяться, что они принесут хорошие новости, и молиться о том, чтобы король не вздумал арестовать еще и вас.

– Король Иоанн не ссорился со мной, Тибби. Что с меня взять – от матери мне досталось совсем немного. Все приданое, которое у меня было, перешло королю. – Эмлин вздохнула. – Вы же знаете, что я закончу в монастыре, как моя сестра Агнес.

Тибби покачала головой.

– Король коварен, моя девочка. Вы разве плохо усвоили этот урок? Ведь лорда Гая сейчас здесь нет...

Эмлин молча сжала губы, понимая, что Тибби права. Королю нельзя перечить – нельзя ему и доверять. Она вздрогнула. Если эти посланники принесли весть о смерти Гая, то следующим бароном станет Кристиан.

Она подавила желание схватить близнецов и спящего Гарри и убежать куда-нибудь. Уже так много потеряно, и еще столько можно потерять. Ее самый старший брат Ричард, двадцатилетний рыцарь, был убит в Пуату несколько лет назад, когда вместе с другими английскими рыцарями сражался за короля Иоанна. Около двух лет назад ее мама, будучи уже в не самом благоприятном для вынашивания ребенка возрасте, умерла вскоре после рождения Гарри. В конце прошлого лета отец подхватил малярию и тоже скончался. И наконец, осенью забрали Гая.

Потрясения и боль потерь свалились на Эмлин свинцовыми гирями. Временами ей было трудно дышать, трудно рассуждать здраво под этой тяжелой ношей. И она поняла, к своему ужасу, что женщины не в силах влиять на решения мужчин. Вскоре она услышит следующий приказ короля, и от нее будут ожидать его выполнения или даже заставят подчиниться. Крепко сжав резные подлокотники кресла, она почувствовала легкое недомогание, ее сердце быстро стучало.

– Эмлин! – позвала Изабель со своего места возле окна. Дети возбужденно прыгали на лавке. – Они идут!

Отделанные железом сапоги стучали по внешней лестнице. Эмлин силилась придать своему голосу спокойствие, которого не чувствовала.

– Тибби, отведите детей в их комнату и оставайтесь там с ними.

Та кивнула, прогнала ребятню со скамьи и, как гусят, повела перед собой. Они шумно исчезли на потайной лестнице, расположенной за трубой камина.

Резной узор стула был холодным и твердым под ее дрожащими пальцами. Глубокая тишина, густая, как туман, наполнила большой зал. Вскоре штора в дальнем конце комнаты раскрылась, и вместе с Уотом твердым уверенным шагом туда вошли двое мужчин.

Медленно поднявшись со стула, Эмлин кротко скрестила перед собой дрожащие руки. Рыцарь в голубом плаще был высоким, он шел, слегка покачиваясь, чтобы не показывать хромоты. Эмлин с облегчением подумала, что, возможно, рана все же была незначительной, несмотря на кровь, которую она видела.

Глаза рыцаря, строгие и холодные, как камень, сверлили ее лицо, пока он приближался. Она сразу же поняла, что он узнал в ней девочку из леса. Надев маску холодной властной дворянки, она сделала шаг вперед.

– Милорды, да благословит вас Господь, – произнесла она. – Я леди Эмлин де Эшборн, сестра барона. Добро пожаловать. – Уот остановился возле нее, его крепкое плечо было рядом.

Уайтхок был лишь немного выше своего спутника, но массивнее, крупнее. Он со своей высоты поклонился Эмлин. Его глубоко посаженные глаза с крошечными черными зрачками были бледно-голубыми, а брови цвета слоновой кости сочетались с гладкими белоснежными волосами, спускающимися ниже плеч. Он взял ее руку своими пухлыми, как сосиски, пальцами.

– Я граф Греймерский, Бертран де Хоквуд, миледи, – представился он. – Уайтхок. – Этот человек говорил громко глубоким басом. Он наклонил голову в сторону младшего мужчины, стоявшего возле него. – Мой сын, Николас де Хоквуд.

Эта новость поразила ее. Святые Небеса. Она выпустила стрелу не только в посланника короля, но еще и в сына графа. Если эти люди обладают хоть каким-то влиянием, судьба Гая в явной опасности.

Сердитое выражение на лице рыцаря смягчилось и стало более задумчивым. Он осторожно согнул раненую ногу и перенес вес тела на правую, серый блеск его глаз пронизывал, как сталь.

– Приветствую вас, миледи, – сказал он. – Я барон Хоксмурский. Мы привезли послание от короля Иоанна. Но сначала мы хотели бы немного передохнуть.

Эмлин поняла, что Уайтхок не полностью представил своего сына, пропустив его титул. Пресвятая Дева Мария. Полноправный барон.

– Милорд, – пропищала она, у нее сжалось горло. Подойдя к шкафу, девушка вытащила стеклянный кувшин и два серебряных кубка на ножках. Она поставила кубки на дубовый стол у камина, налила хорошего французского вина, красного, как рубин, и протянула, бормоча благословение.

Пока граф и его сын пили, Эмлин нервно сжимала руки. Николас де Хоквуд снял капюшон, под которым прятались темные непослушные волосы, и провел рукой по темно-серой щетине, невозмутимо и оценивающе наблюдая за ней. Ее шея покрылась красными пятнами.

Граф стоял у открытого окна, тихо беседуя с Уотом. Его белые волосы переливались в лучах заходящего солнца, а под черным плащом мерцали темные доспехи. Он все еще был привлекателен: крепкое телосложение, мускулы, сила. Он выглядел словно какой-то мифический король, не то эльфийский, не то человеческий.

Эмлин подошла к нему.

– Милорд, я выслушаю послание, но позвольте мне угостить вас. Мы уже поужинали, поскольку не ждали гостей. – У нее заурчало в животе, ведь она с утра ничего не ела. – Ужин будет простым, но вкусным. Вашим людям также отправят еды. – Она была рада отвлечься на полагающиеся в таких случаях хлопоты, связанные со встречей гостей: еда, напитки и обмен любезностями – все это традиционно предшествовало деловым вопросам. За исключением чрезвычайных ситуаций.

– Спасибо, леди, – сказал граф, затем спросил Уота о месте для лошади в конюшне.

– Леди Эмлин, – Николас де Хоквуд подозвал ее кивком головы. Эмлин повернулась и увидела, что он оперся о стол и ласкает за ухом Каджиля. Возмущенно сдвинув брови, она удивилась, почему пес, который никогда не оставлял теплого места у камина ради кого бы то ни было, кроме членов семьи, подошел к барону. Она тоже подошла к нему, боясь этой встречи.

Хоквуд наклонился к ней. От него пахло деревом, металлом, кожей и потом. Но это был приятный мужской запах, и ей невольно захотелось стать рядом.

– Когда будете распорядиться касательно ужина, миледи, – прошептал он, – знайте, что мой отец не ест мяса.

– Но ведь Пасха уже прошла, Великий пост закончился, – озадаченно произнесла она.

– К сожалению, он никогда не ест мясо животных.

– Совсем? Как может человек прожить без мяса? – Не сумев скрыть своего удивления, она посмотрела через плечо. Уайтхок вовсе не был похож на нуждающегося в чем-либо человека.

– Он ест только рыбу, – ответил Хоквуд.

– Почему же? – Она засомневалась, подумав тут же, что ей следует извиниться за такой личный вопрос.

– Епитимья, – пожав плечами, ответил он.

Какого рода грех совершил граф, чтобы дать такой обет?

– Священник наложил такую епитимью?

– Он сам наложил ее на себя, очень давно. – Молодой человек повернул голову, и луч заходящего солнца коснулся его лица, наполнив глаза неожиданной серо-зеленой ясностью. Длинные черные ресницы скрыли этот мимолетный проблеск. Его скулы, усеянные короткой темной щетиной, залились розовым румянцем над строгим подбородком и красивой формы губами. – Это адекватное наказание, – добавил он.

Чувствуя, что ей не стоит больше ни о чем спрашивать, хотя она сгорала от любопытства, Эмлин крепко сжала губы. Барон оперся о стол, давая отдых раненой ноге, его длинные пальцы лениво чесали голову пса. На морде Каджиля было выражение полнейшего удовлетворения.

– Может, мне послать за кем-то, кто бы позаботился о вас, сэр?

Он посмотрел на нее.

– Прошу прощения?

– Хотите, чтобы кто-то позаботился о... ваших нуждах, милорд?

– Я соглашусь на горячую ванну позднее этим вечером, миледи.

Она кивнула.

– Служанка приготовит вам ванну в комнате.

Он наклонился ближе.

– Я бы предпочел, чтобы вы сопроводили меня, миледи. – Его низкий голос, казалось, отдавался в ее груди.

Она изумленно посмотрела на него, и он немного приподнял одну бровь.

– Милорд, – решительно произнесла она, – я буду рада предложить вам традиционное мытье ног и могу снять с вас доспехи. Если вам потребуется помощь, сквайр Дженкин может оказать ее вам. Я приведу опытного лекаря...

Он тихо перебил ее.

– Миледи, будет лучше, если вы придете ко мне одна. Только один человек знает о моей... э... неприятности. Поскольку я не могу позвать рыцаря с поля, который позаботился бы о ванне для меня, а вы по традиции имеете право присутствовать, то сделайте это.

Эмлин кивнула, ощущая, как на нее снова накатывает прежнее чувство вины. Подозвав кивком Дженкина, ожидавшего в конце комнаты, она приказала позже приготовить ванну и распорядилась передать повару инструкции относительно ужина: чтобы в меню были добавлены блюда из рыбы и яиц для графа. Она знала, что еду принесут быстро и та будет наилучшего качества, несмотря на недостаток продуктов, и это вызывало у девушки чувство гордости.

Дженкин почти выбежал из комнаты и слетел вниз по лестнице, зовя экономку.

– Ваш слуга, кажется, недостаточно вышколен, – заметил Уайтхок.

– Он не слуга, а сквайр, – ответила Эмлин. – Он воспитывался моим отцом, а потом состоял при моем брате Гае. Он молод и полон рвения.

– Его следует выпороть за то, что вышел из зала в такой неподобающей манере.

– Мы никогда не били здесь ни слуг, ни сквайров, – резко возразила Эмлин.

– Милорд, если позволите вмешаться, – мягко произнес Уот, – парню едва исполнилось двенадцать, он сын кузена лорда Перси. Леди Эмлин не разрешает бить слуг, и все же они послушны ей.

– Это их прельщает, без сомнения. Я слышал о замках, в которых дисциплина и побои не приветствуются, и тем не менее слуги там ведут себя восхитительно, – протяжно произнес барон. Эмлин взглянула на него.

– Я не потерплю таких манер, никогда, – прорычал Уайтхок. – Лучше всего, если лорд управляет тяжелым кулаком, а леди требует в хозяйстве строжайшей дисциплины.

– А вот и слуги, без всяких возражений, – заметил его сын. Он указал в сторону дверного проема, откуда вышли Дженкин и трое слуг с тарелками и большими блюдами. Кивнув Эмлин, он улыбнулся. – Красота и грация победили кнут.

Не понимая причин его насмешливого тона, Эмлин отошла распорядиться, чтобы большие блюда поставили на прилегающий стол, и сделала шаг назад, пока служанка расстилала на большом столе белую льняную скатерть и раскладывала серебряные солонки и ложки. На стол поставили простые квадратные подносы с хлебом и деревянные блюда с яблоками и сыром.

Дженкин подошел, чтобы подать ужин, остальные слуги вышли из комнаты, неловко кланяясь Уайтхоку, так как не привыкли к такому пиетету; но старались они изо всех сил. Когда гости сели и ополоснули руки в розовой воде, Уот извинился, сказав, что пойдет посмотреть, всего ли хватает людям Уайтхока. Эмлин отказалась садиться и ожидала поблизости.

– Рыба свежая? – спросил Уайтхок.

– Конечно, милорд, ее поймали в нашем собственном пруду, – ответила она.

Уайтхок кивнул и взял кусок пирога с форелью, в то время как его сыну было подано аппетитное мясо и овощное рагу. Когда Дженкин предложил жареный лук и запеченные яблоки, Уайтхок, энергично пережевывая угощение, жестом выказал свое согласие.

– Я с сожалением узнал о смерти вашего отца, леди Эмлин, – сказал он, энергично посыпая солью свою еду. Он накалывал ножом лук, морковку и куски хлеба с подноса, игнорируя ложку. – Его смерть, а также заключение вашего брата оставили Эшборн в шатком состоянии. Без великодушной протекции короля вас будет притеснять то один жадный барон, то другой.

– Король Иоанн не предоставил нам никакой протекции, милорд, – озадаченно произнесла девушка.

– Его очень интересует Эшборн. – Уайтхок посмотрел на сына.

Хоквуд сделал знак, что он закончил, хотя съел совсем немного, и Дженкин убрал поднос.

– Мы с отцом на протяжении нескольких недель бывали в суде, – сказал он. – Это там мы услышали о смерти вашего отца и аресте вашего брата Гая. Многие недоумевали, кто же вступит во владение этим участком земли.

– Вступит во владение этим участком! – Эмлин выпрямилась от возмущения. – Мой брат – полноправный барон Эшборнский. Он оплатил налоги на наследство, но король арестовал его, потому что плата неожиданно оказалась выше, чем уже было внесено. Доходы Эшборна исчерпаны налогами, пошлинами и штрафами, а король еще требует плату за весенних ягнят и шерсть. Но мы отправим королю последнее, что у нас есть, лишь бы освободить моего брата. Это отвратительный взнос – выкуп, по правде говоря, но он будет выплачен. Никто не отберет у нас эту землю, милорд.

– Но ваш брат молод, – сказал Уайтхок. – А молодой барон – это зачастую совсем не барон. К тому же король подозревает вашего брата в предательстве.

– Предательство?! – воскликнула она. – Я не слышала о таком обвинении.

– Он симпатизировал мятежным баронам, которые с прошлой осени требуют хартии вольностей, – спокойно сказал Уайтхок. – Известно, что он встречался с ними в Бери-Сент-Эдмендсе касательно хартии короля Генриха, на основании которой некоторые планируют создать новую хартию. Ваш брат не оплатил свой взнос и в прошлом году отказался запла-

тить щитовые деньги⁴, когда он и другие бароны не согласились сражаться за короля Иоанна во Франции... – тут он бросил злобный взгляд на своего сына. – Королю осталось только решить, как поступить с наследством вашего брата, ведь собственность преступника переходит короне. – Наколів ножом сочное печеное яблоко, он отправил его себе в рот.

– Я хочу узнать содержание королевского послания, – сквозь стиснутые зубы произнесла Эмлин. – Все ли в порядке с моим братом?

– Пока что, леди Эмлин, – пробубнил Уайтхок, уничтожая остатки сочного коричневого яблока, – я благодарю вас за хороший ужин. – Он опустил пальцы в розовую воду, разбрызгал ее и вытер руки о скатерть. – Вскоре вы узнаете суть письма короля. Прошу меня простить. Мне нужно посоветоваться с моими людьми. – Он встал и кивнул, затем прошел через комнату – его тяжелые сапоги гневно стучали по полу.

Эмлин ожидала, что барон тоже встанет из-за стола, но он остался, задумчиво глядя в спину уходящего отца. Золотистый свет из камина играл на поверхностях его точеной щетинистой скулы и тонкого носа. Ей показалось, что он похож на раскрашенную в насыщенные цвета скульптуру погруженного в раздумья святого Михаила в доспехах – красивый и строгий. Картину смягчала каштановая масса волос, которые пушистой волной спускались вдоль щек к сильной шее.

Он повернул голову и посмотрел на нее. Под темными бровями его глаза сияли, как пламя, отражающееся в серебряном бокале.

– С вашего позволения, леди, – мягко произнес он, поднимаясь. Немного неуверенной походкой он вышел из комнаты и исчез за шторой в дверном проеме. У камина Каджиль на секунду поднял голову, тоскливо посмотрел вслед барону и снова лег.

– Неблагодарный негодник, – догоняя барона, с любовью прошептала псу Эмлин.

Небольшой холл освещался смолистыми факелами в железных канделябрах, расположенных высоко на стене. Она проскользнула через занавес, и в это мгновение барон обернулся и чуть не столкнулся с ней.

– В этом послании что-то большее, нежели очередное требование денег, – настойчиво произнесла Эмлин. – Скажите мне. Я хочу услышать это сейчас.

– Нет. – Он не отошел в сторону, она тоже.

– Что с моим братом? Скажите мне, милорд.

Расположив руки на поясе, он обвел взглядом холл. Свет факелов очерчивал его профиль.

– Эта стена вдоль лестницы отлично разукрашена, миледи.

Холл и лестничный пролет, называемый лестничной стеной, потому что он шел вдоль толстой и массивной внешней стены цитадели, образовывали широкую площадку с каменными ступенями, ведущими вниз к входной двери. Другой пролет извивающейся лестницы вел вверх к спальням.

Стены вдоль лестницы были украшены. Плавные изогнутые фигуры были нарисованы на покрытом штукатуркой камне, насыщенные цвета блестели в свете фонаря. Расположенные по обеим сторонам от входа в большой зал, два рыцаря в доспехах смотрели друг на друга, сидя на покрытых красной попоной конях. У подножия широкой лестницы архангелы в белых нарядах парили над красно-синим узором в виде алмазов.

– Прекрасно выполненные рисунки, – сказал он. – Это работа какого-то местного художника?

Эмлин не сразу нашлась, что ответить, так как обдумывала в это время, в чем могло заключаться послание короля. Барон снова задал свой вопрос. Она нахмурила брови. Неко-

⁴ Денежный сбор, называемый также *скутагий*, в пользу короля, взимался с рыцарей средневековой Англии взамен службы в королевской армии. (Примеч. пер.)

торые рисунки были ее собственными, нарисованными год назад под руководством дяди Годвина, вскоре после ее возвращения из монастыря. Зимняя непогода продлила один из редких визитов Годвина в семью брата, и тогда он украсил холл – рыцари были подарком отцу Эмлин, а ангелы были нарисованы в честь ее матери.

Гордясь способностями дяди, Эмлин очень сомневалась в ценности собственного вклада, который состоял в украшении фриз, прорисовке рук, ног и ниспадающих нарядов архангелов. Более привыкшая рисовать крошечные картинки на манускриптах, той зимой она неплохо научилась создавать масштабные изображения на стене.

– Их нарисовал мой дядя Годвин из Уистонберийского аббатства, – наконец ответила она. Ей гораздо больше хотелось обсудить документ короля. – Он монах, живет в Йорке, учился на художника; расписывает стены парижских церквей, иногда дворцов. Деньги идут его ордену, поэтому ему разрешается время от времени покидать аббатство. В Уистонбери он возглавляет отличную мастерскую для переписи рукописей.

– Он прекрасно владеет цветом и формой. Я знаю это аббатство. Оно находится недалеко от замка Хоксмур, моего дома, – заметил он. – Возможно, я приобрету какой-нибудь манускрипт оттуда. – Он повернулся и начал изучать при свете мерцающего факела тот участок, где был нарисован поединок двух рыцарей; его кольчуга скрипела в такт движениям. – Я бы хотел рассмотреть это более детально утром до нашего отъезда, – сказал он.

Эмлин неожиданно почувствовала озноб, но не в теле, а скорее, в душе – мрачное предчувствие, словно он намекал, что она уедет с ним. Девушка отогнала эту мысль. Естественно, он говорил о своем отъезде с отцом и войском.

Он опустил на нее глаза, находясь неподобающе близко в этом тесном пространстве. Эмлин почувствовала легкий аромат вина и корицы, когда его теплое дыхание нежно коснулось ее волос. Она сделала шаг в сторону, он тоже, но его рука тесно прижималась к ее плечу, пока они стояли бок о бок, рассматривая фриз.

– Возможно, я даже попрошу, чтобы ваш дядя приехал в Хоксмур, – задумчиво произнес он.

Она мельком взглянула на него. Тонкие линии его лица, темный лоск волос и блеск глаз отражали теплый свет, придавая ему такую поразительную красоту, что на секунду Эмлин стало трудно сконцентрироваться на разговоре. Глубокая задумчивость читалась не только в его суровых глазах, угрюмой эlegantности и скрытной манере поведения. Каждое слово, каждое действие, казалось, имели подводное течение, как река, тихая, неизведанная, могучая.

Она не знала, чего от него ожидать. Он казался мрачным, не очень любил шутить, к тому же она думала, что он будет бранить ее за то, что произошло в лесу. В конце концов, она проделала ему дыру в ноге всего несколько часов назад. Его нынешнее благоразумие сбивало ее с толку.

Либо его молчание свидетельствовало о каком-то внутреннем рыцарском кодексе, либо он планировал какую-нибудь отвратительную месть. Угроза нависла над ней дамокловым мечом, раз уж он и его отец приехали в Эшборн. Пусть они откроют послание короля, молилась она, и скорее уедут.

– ...церковного характера?

Эмлин посмотрела на гостя широко открытыми глазами. Что он спросил? Она не слушала и теперь старалась проследить за ходом его мыслей. До этого он упоминал Хоксмур.

Он наклонился ближе и громко сказал:

– Вы кажетесь расстроенной, миледи. Позвольте, я повторю. – Он отчетливо произносил каждое слово, словно она была глухой: – В Хоксмуре есть новая часовня. Может быть, ваш дядя согласится нарисовать там рисунки церковного характера?

– Вы должны попросить об этом его настоятеля, аббата, – поджав губы, ответила она, смущенная своей невнимательностью. Она надеялась, что у него заболит нога, ведь он уже так долго стоит возле нее.

– Значит, я так и сделаю.

– Расскажите мне, о чем говорится в документе короля. Скажите, что вам известно о моем брате Гае.

– Нет, – ответил он.

– Зачем вы взяли с собой столько людей? – спросила она. – Вам нужен вооруженный отряд против девушки и троих детей?

– Трое детей? – озадаченно переспросил он.

– У меня двое младших братьев и сестра, – ответила она. – Один из них совсем младенец. Вы бы не пострадали от нас, сир, если бы решили взять наш дом силой.

– Никто не упоминал о младенце. – Хоквуд нахмурился и о чем-то задумался. – И мы не собирались применять здесь силу. – Коснувшись обеими руками ее головы, он удерживал ее у стены. Доспехи на его руках заслонили свет, а в его дыхании чувствовался запах пряностей, лука и корицы... Он возвышался над ней. – У меня уже были небольшие неприятности из-за вас сегодня, юная леди, – мягко напомнил он ей. – Я не желаю еще больше. Перестаньте расспрашивать и примите неизбежное.

Эмлин чувствовала, как ее сверлят его глаза, она отчетливо осознавала его силу и мужественность. На долю секунды ей показалось, что он собирается наклонить голову и поцеловать ее. Девушка прижалась затылком к стене и крепко сжала рот, пристально вглядываясь в его нижнюю губу, полную, мягкую, и ровные белые зубы за ней.

– Я не имею отношения к документам короля, – сказал он. – Видит Бог, если бы спросили моего мнения, в них все было бы по-другому.

– Скажите мне хоть что-нибудь о моем брате, сир, – попросила Эмлин.

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

– Ваш брат жив и здоров, из того немногого, что я слышал о нем, – наконец ответил Николас. Опустив руки, он сделал шаг назад. – А теперь покажите, где моя комната, миледи. Я хотел бы отдохнуть, пока не вернется мой отец.

– Та маленькая дверь в дальнем конце ведет наверх в галерею, где вы увидите свою комнату, – ответила она. Хоквуд быстро кивнул, повернулся и ушел.

Эмлин вдруг стало холодно, она сняла с вешалки на стене зеленый плащ, накинула его на плечи и возвратилась в опустевший зал. Она подошла к камину и села на корточки возле Каджиля, который обнюхал ее руку и положил морду на ее колено. Она гладила его шею, задумчиво глядя на языки пламени.

Глава 4

Зычный надменный голос Уайтхока был подобен раскатам грома. Эмлин сидела у камина скрестив руки и слушала формальные вступительные слова в документе короля. У нее пересохло во рту от напряжения.

Неподалеку, в свете огромного камина возвышался, облокотившись о дубовый стол, Николас де Хоквуд. Уот, суровый опекун, стоял рядом с Эмлин.

– Да будет вам известно и приведено в исполнение соответствующим образом, – читал Уайтхок, – что вся собственность, принадлежащая барону Эшборну, переходит королю. Гай де Эшборн остается в тюрьме из-за долга казне в размере пяти тысяч марок.

– Пять тысяч! – с негодованием воскликнула Эмлин. – На Рождество было две тысячи марок!

Уайтхок бросил на нее пронизывающий взгляд и продолжил:

– Младшие наследники Роджера де Эшборна отдаются под опеку Николаса де Хоквуда, пока долг не будет выплачен полностью.

Эмлин от возмущения рот раскрыла. Король заберет детей. Она не ожидала этого. Ногти впились в ее ладонь, когда она посмотрела на барона, чье лицо пряталось в тени, и его выражение невозможно было прочесть. Он казался холодным и невозмутимым – такому человеку вряд ли можно доверить детей. Ее братья и сестра слишком малы! Кристиан еще совсем юн, чтобы воспитываться в доме рыцаря, Изабель робка, как кролик, а Гарри едва научился ходить. Пресвятая Дева Мария, молилась Эмлин, помоги мне вынести это.

Она знала, что король отбирает детей якобы для опекунства, но на самом деле в качестве залога. О некоторых из них больше никогда не слышали. Пару лет назад несколько маленьких мальчиков, принцев Уэльских, стали политическими заложниками. Они были повешены. Распрямив пальцы и глубоко вздохнув, Эмлин заставила себя сосредоточиться.

– Продолжайте, милорд, – сказала она.

Уайтхок наклонил голову и протянул документ сыну. Николас де Хоквуд вкратце объяснил, что замок Эшборн подарен Уайтхоку ради блага самого поместья.

– К тому же Эшборн должен добросовестно передать монарху тридцать волов и двадцать мужчин.

Эмлин слушала в оцепенении. Она сомневалась, что в Эшборне сейчас наберется двадцать стражников, а все воны находились в работе у ее крепостных.

– Леди Эмлин, – произнес барон, – король объявляет о вашей помолвке с лордом Уайтхоком.

Она резко подняла опущенные глаза и встретила с твердым взглядом Николаса де Хоквуда. При свете огня тонкие пряди ее волос блестели на фоне побледневшего лица.

Она изо всех сил пыталась сдержать подступающие слезы. У нее сжалось горло и участилось дыхание. Думай, убеждала она себя, сейчас не время для рыданий, нужно мыслить ясно. Даже если бы предвидела такой приговор, что она могла сделать против него?

Король Иоанн прибег к жестоким мерам, желая показать беспомощность барона. Посредством этого текста на пергаменте он разорвал на части ее семью, как зверь разрывает свою жертву. Гай останется в тюрьме, возможно, умрет там, его дом и земли уже подарены другому; дети могут никогда не вернуться к ней; и ее заставят выйти замуж, без ее согласия, за старика с жестокой репутацией.

Чудовищная враждебность короля нависла над ней, как сильная гроза, готовясь погубить последнее, что у нее осталось. Она слегка покачнулась и ощутила, как Уот украдкой успокаивающе пожал ей плечо.

Закрыв глаза и замедлив дыхание, она почувствовала, что ее обволакивает холодный туман. Еще один выдох, и еще, и она смогла с гордостью поднять голову и посмотреть на Хоквуда. Он не сводил с нее сурового взгляда.

– Неужели король может сделать это? – глухим тоном спросила она его. Мужчина медленно кивнул. Эмлин заставила себя отвести от него взгляд. Она повернулась к Уоту. – Честно говоря, спорить здесь бессмысленно. Я не понимаю действий короля. А что же с Гаем?

Уот с отвращением фыркнул.

– Король Иоанн делает то, что ему нравится, миледи. Очевидно, он понял, что спорить здесь не будут, и установил такую огромную цену. Его казна, должно быть, снова пуста, и его гнев увеличился из-за мятежных действий такого большого количества дворян, просящих его принять хартию вольностей. Держу пари, других он ужалил не слабее.

– Если вашего брата обвиняют в предательстве, король имеет право наказать его. Спорить недостойно, миледи, – сказал Уайтхок. Эмлин не могла заставить себя посмотреть в его тусклые ледяные глаза.

– Естественно, король Иоанн знает, что женщины, дети и предметы мебели не окажут ему сопротивления, – с горечью заметил Уот.

На невысокой лавке возле ее стула стояла шахматная доска, игра была прервана. Эмлин протянула тонкий палец и прикоснулась к гипсовой фигуре, ее брови были сведены.

– Женщины подобны пешкам в игре, которую мужчины ведут на территории всей Англии, – пробормотала она. – Не королевы – пешки, которых передвигают туда-сюда, а с ними – куски земли.

Она подняла голову. У нее снова появилось необъяснимое желание посмотреть в решительные спокойные глаза барона.

– Вы не можете отказаться выйти замуж – таков приказ короля, леди Эмлин, – невозможно произнес он. – И не можете взять с собой детей, поскольку они официально лишены вашей опеки. – Эмлин, слушая его низкий спокойный голос, мимолетно спросила себя, сочувствует ли он хоть немного ее затруднительному положению.

– Для замужества требуется мое согласие, – ответила она.

– В согласии нет необходимости, – резко возразил Хоквуд. Может, раньше она и чувствовала в его тоне *нечто*, но сейчас все исчезло. Ощущая себя такой одинокой, несмотря на присутствие Уота, охваченная неожиданной усталостью, девушка слегка оперлась на спинку стула.

– Лучше сложите свои вещи, миледи, и вещи детей, – грубо сказал Уайтхок. – Завтра мы уезжаем. – Затем добавил, обращаясь к Николасу: – Я проверю расположение войска, прежде чем пойти спать. Если остаешься ночевать в замке, смотри не сделай меня рогоносцем. – Резко повернувшись, он быстрым шагом вышел из комнаты.

Сквозь туман обуревающих ее чувств Эмлин все же слышала горечь недоверия в словах Уайтхока, обращенных к его сыну. Она думала, тот оскорбится, но Николас де Хоквуд оставался спокоен.

Эмлин подняла шахматную фигуру и повертела ее в ладони. Гипс был гладким и прохладным, в отличие от огня, начинавшего полыхать внутри нее. Она была взбешена несправедливыми действиями короля, и грубое замечание Уайтхока, обращенное к сыну, воспринималось, как направленный в ее сторону физический удар.

Воспитание заставляло ее принять все это как свою женскую долю. Но годы строгой церковной дисциплины, целью которых было усмирение неподобающих женщине черт характера, неожиданно начали противоречить духу свободы, который ощущался ею с детства, проведенного под нежной опекой родителей. Природный задор и решительная энер-

гия юных лет, давно затушенные и подавленные, сейчас вспыхнули рыжим пламенем, пока Эмлин праздно вертела в руке шахматную фигуру.

Она была ужасно зла и понимала, что не сможет так легко уступить требованиям короля. Не зная до конца, что именно ей следует делать, сейчас она, по крайней мере, увидела направление: резкий, спонтанный и обязательный отпор. Как бы тщетно это ни было – протестовать против королевского приказа – дух сопротивления рос внутри нее и требовал выражения.

Она встала, плащ соскользнул с ее плеч и упал на пол незамеченно. Ее тоненькая фигурка вырисовывалась на фоне огня, а волосы ослепительным ореолом ниспадали до бедер. Расправив плечи и выпрямив спину, она подняла голову и посмотрела в упор на Николаса де Хоквуда.

– От всех подданных ожидают почтения по отношению к их королю, – сказала она. – Но я не давала согласия на это обручение. Такие браки незаконны с точки зрения Бога и церкви.

– Церковь продолжает дискутировать на эту тему. Однако это не имеет значения для моего отца, – ответил Хоквуд, и их глаза встретились.

– И вы, сир, стали опекуном детей помимо моей воли, помимо воли их родного, Богом данного опекуна. – Она задыхалась от гнева, который силился вырваться наружу. – Если есть способ остановить эти нападки на мою семью, будьте уверены, я найду его.

Гипсовая фигурка была крепко зажата в ее кулачке. Она со злостью, не целясь, швырнула ее в стену. Пролетев прямо возле головы Николаса, та разбилась о каминную трубу. Эмлин повернулась и как можно быстрее вышла из зала.

Хоквуд отыскал осколок пешки и взвесил его в руке. Затем он бросил его Уоту, и тот ловко поймал кусок гипса.

– Кажется, даже маленькая пешка может неплохо ударить по мужскому черепу, – двусмысленно произнес Николас. Удивленный, Уот кивнул в знак согласия.

Хоквуд повернулся, чтобы налить себе вина.

– По правде говоря, сэр Уолтер, – сказал он, – леди Эмлин, несомненно, красавица. В этом мой отец выиграл. – Он сделал несколько глотков вина и на секунду скривил губы. – Но у нее резкий характер. Поначалу, признаюсь, я подумал, что она глупышка. Было бы лучше, если б она такой и была, потому что думающая жена часто опасная штука. – Он сделал еще глоток. – По крайней мере, так считает мой отец.

Тяжелая дубовая дверь хлопнула о каменный косяк с такой силой, что могла бы разбудить даже мертвого. Эмлин долго и громко ругалась, расхаживая по своей маленькой спальне, и две толстые свечи мерцали, когда она проходила мимо. Она нервно шагала взад-вперед, останавливаясь, чтобы прервать произносимую на одном дыхании тираду ударом по остову кровати, двери или каменной стене.

Услышав тихий стук, Эмлин резко открыла дверь, и Тибби чуть не ввалилась в комнату.

– Сэр Уолтер сам пришел, когда я укладывала малютку в кровать, – сказала Тибби.

– Он рассказал вам о послании короля?

– Да, рассказал. – Тибби подошла к деревянному сундуку и, тяжело вздохнув, стала на колени, расправив свои юбки вокруг пышного тела. Она открыла крышку и начала перебирать содержимое.

– Ваши вещи как всегда в беспорядке, – прокомментировала она, – а вам нужна хорошая одежда для свадьбы. – Она вытащила розовато-лиловое платье с помятыми складками. – Это подойдет, если развесить его возле камина.

– Я не собираюсь наряжаться, чтобы доставить удовольствие этому демону, – бросила Эмлин и угрюмо плюхнулась на кровать.

– Да, моя девочка, не так уж и важно, что на вас надето, – уступила Тибби мягким тоном. – Но эти мужчины собираются увезти вас завтра. Я упакую все, что смогу, для поездки. – Она взглянула на опущенное лицо Эмлин. – Ах, Пресвятая Дева Мария, у меня сердце разрывается, как подумаю о вас с этим незнакомцем, и ничего нельзя предпринять в вашу защиту. Но такова жизнь. Мы должны взять от нее то, что сможем.

Эмлин ничего не ответила. Тибби продолжала болтать, не обращая внимания на тишину.

– Клянусь, те годы, проведенные в монастыре, не научили вас держать вещи в порядке. – Она быстро подняла глаза. – Однако вы будете хорошей графиней, такой же хорошей леди, как ваша мама и сестра Агнес, ставшая настоятельницей в аббатстве Розбери.

Эмлин устало провела рукой по волосам, убирая их с лица.

– Когда-то я благодарил Деву Марию, что выбор Агнес освободил меня из стен монастыря. Лучше бы я осталась там, – мрачно добавила она.

– Ах, ваш отец знал, что вы не созданы для созерцательного существования, и забрал вас оттуда.

Эмлин угрюмо кивнула.

– Я могла долгими часами сидеть за письменным столом, работая над моими картинами, но не могла столько же времени простоять на коленях в молитве, как это делают Агнес и ее монахини.

– Лорд Роджер вызвал вас назад еще и ради малышей, чтобы вы заняли здесь место вашей матушки. – Тибби отклонилась назад и посмотрела на Эмлин своими ясными глазами. – У них не могло бы быть более любящей матери. Это жестоко – лишать их вашей опеки. Может быть, когда вы выйдете замуж, их можно будет отправить в ваш новый дом... Хотя этот Уайтхок кажется угрюмым старым козлом. Ваш отец позаботился бы о том, чтобы его девочка вышла замуж за хорошего достойного человека. Не такого, как этот.

Продолжая говорить, Тибби поднялась и начала разглаживать и аккуратно складывать каждый наряд; она разделила вещи на шерстяные и шелковые и разложила по разным стопкам: длинные платья с узкими рукавами, мягкие свободные сорочки и аккуратно сложенные чулки. Снова опустив свою полную руку в сундук, она вытащила шелковую вуаль.

– Я не буду спать всю ночь, упаковывая ваши вещи в сундук. Эти мужлань так глупы. Как можно сделать все это за одну ночь? У вас должно быть постельное белье, и мебель, и один Господь знает, сколько вещей понадобится детям... – Тибби быстро подавила рыдание, прикрыв рот рукой.

Эмлин устало поднесла руку ко лбу. Ее волосы запутались, блестя при свете свечи.

– Ох, Тибби. Во имя всех святых, происходящее сводит меня с ума. Гай, замок, дети... все потеряно... – Она резко втянула щеки, также борясь со слезами. – И я выхожу замуж за старика.

Тибби медленно покачала головой.

– Все это сделано ради денег. Наш король не лучше карманника с черным сердцем, да простит меня Господь, – сказала женщина, закатив глаза. – Но послушайте внимательно. Многие девушки выходили замуж за старших мужчин, и довольно счастливо. – Она произнесла это так уверенно, что Эмлин с подозрением уставилась на нее. – Говорят, что Уильям Маршал и его жена счастливы в браке.

– Уайтхок такой холодный, с этими белыми волосами и бледной кожей... У него глаза мертвеца, – пробурчала Эмлин.

– Никогда так не говорите! – воскликнула Тибби, перекрестившись. – Вы же знаете... – Она резко замолчала, широко раскрыв глаза.

– Что такое? – спросила Эмлин. Тибби быстро покачала головой. – Скажите мне, что вам известно!

– Ох, миледи. Говорят, что лорд Уайтхок совершил дурной поступок много лет назад и теперь должен искупить его, иначе его душа будет навсегда отправлена в ад.

– Что за дурной поступок? – спросила Эмлин. – Кто говорит?

– Мне рассказал дворецкий, да и Уот упоминал, что граф не ест мяса из-за епитимьи...

– Это я знаю. Но почему?

– И он нашел монастырь, где молятся о ее душе...

– Чьей душе?! – воскликнула Эмлин, подавшись вперед.

– Говорят, граф убил свою первую жену. Мать барона. – Тибби посмотрела на нее широко открытыми тревожными глазами.

– О Господи! – Эмлин уронила голову на грудь. – Сердцем чувствую, что в этом есть доля правды. Граф и его сын ненавидят друг друга лютой ненавистью. Я не хочу становиться частью такой подлой семьи, Тибби. Как я могу расторгнуть эту помолвку? И детям я нужна, Тибби, они не могут уехать с этим... бароном! – Эмлин резко встала и начала расхаживать по комнате, но не возбужденно, а задумчиво.

– Вы должны подчиниться приказу короля, миледи. Для ваших братьев и сестер будет лучше, если вы подчинитесь. Со всеми его епитимьями и молитвами, граф наверняка выкупит свою душу.

– Никто не может помочь мне в этом, только я сама, – задумчиво произнесла Эмлин. – Должен быть какой-нибудь способ расторгнуть помолвку.

– Эмлин, послушайте меня. Подчинитесь церкви и королю. Такова ваша женская судьба. Вам и правда пришлось столкнуться со многими бедами в последнее время, – ласково сказала Тибби. – Может быть, Уайтхоку нужно ваше добродушие. То, что он совершил, случилось давным-давно. И я надеюсь, что вы будете в разлуке с малышами совсем недолго.

Эмлин сверкнула сердитым взглядом, ее юбки отбрасывали причудливые тени, пока она ходила по периметру маленькой комнаты. Вдруг она остановилась и покосилась на Тибби.

– Дети могут вернуться под мою опеку, если я выкраду их.

– Осторожнее, вы можете пожалеть об этом, – пробормотала Тибби.

– Мне все равно, чего ожидает Уайтхок от своей жены. Если я не найду способа, как избавиться от этого брака, я буду рисовать, или чертить, или учиться стрельбе из лука, что я всегда и делала, и ему это может нравиться или не нравиться, мне все равно. Возможно, если я разочарую его, он отправит меня в монастырь.

– Это не самый лучший способ начинать семейную жизнь, но все же это лучше, чем ваша предыдущая мысль, – вздохнула Тибби, а потом закатила глаза.

Их прервал резкий стук в дверь. Тибби отворила и впустила девочку-служанку.

– Что случилось, Жанна? – спросила Эмлин.

– Молодой барон, миледи. Он послал меня за вами, чтобы вы помогли ему с ванной.

– Что?! – воскликнула Тибби. – Скажи его светлости, что леди Эмлин уже приготовилась ко сну. Чтобы леди помогала ему с ванной! Святые Небеса, я...

Эмлин прервала тираду Тибби:

– Жанна, передай барону, что я скоро приду. – Служанка не двинулась с места, приоткрыв от удивления рот. – Ты потеряла дар речи? Иди, – добавила Эмлин.

Когда дверь закрылась, Тибби с укором посмотрела на девушку, уперев в бока сжатые в кулак руки.

– Что вы делаете? Владелице замка ни к чему помогать рыцарю с ванной. Это старая традиция, ее уже никто сейчас не соблюдает. Если вы имеете в виду ополаскивание ног, то некоторые это делают, но вы должны оставаться здесь и передать ему свои извинения!

– Я должна идти, Тибби. И я хотела бы попросить вас принести чистую ткань, которой можно перевязать рану, и настоять ромашку или еще что-нибудь для обработки раны, и при-

нести это нам. Никому не говорите, что вы несете, спрячьте все под полотенцем. Умоляю, Тибби, сделайте это ради меня.

Тибби вытаращила на нее глаза.

– Сэр Уолтер сказал, что вы запустили шахматной фигурой в молодого лорда, но я не знала, что вы оставили его окровавленным возле камина.

– Просто придите туда, Тиб. – Эмлин открыла дверь и вышла.

В бывшей спальне родителей, где в детстве спали Эмлин с младшими детьми, было просторно и приятно даже ночью. Высокое окно с тремя арками, сейчас закрытое, доминировало в комнате. Пахучие зеленые камыши, переплетенные с целебными травами, образовывали толстый ковер, в камине ярко пылал огонь. В центре комнаты стояла огромная деревянная лохань, наполненная горячей водой, – из нее прозрачными завитками поднимался пар. В тени, возле широкой кровати стояла Жанна и складывала льняные полотенца.

Николас де Хоквуд, стоявший возле камина, повернул голову, когда вошла Эмлин. Он бросил взгляд на служанку.

– Этого достаточно, – сказал он. – Оставь нас.

Эмлин вздохнула.

– Спасибо, Жанна. Ты можешь идти.

Когда девушка ушла, барон сбросил свое голубое сюрко⁵. Оно упало на пол.

– Помогите мне с доспехами, миледи, – попросил он. Эмлин подошла ближе и потянулась, чтобы развязать кожаные ремни, соединяющие капюшон с оплечьем и кольчугой. Он стоял не двигаясь, она ощущала его дыхание на своей щеке и волосах. Ее руку царапала его щетина, поэтому он повернул подбородок в сторону, искоса поглядывая на нее.

Эмлин помогла ему снять кольчугу с коротким рукавом, такую тяжелую, что девушка немного покачнулась, приняв ее. Мужчина вытянул руку, и они вместе подняли кольчугу на скамью. Затем он велел ей снять стеганый жилет, потом тугие кожаные сапоги, что она и сделала.

– Перестаньте давать указания, милорд, – наконец сказала она. – Я прекрасно знаю, как снять с вас доспехи. У меня есть старший брат, и до прошлого лета был отец, обоим я время от времени помогала с этим.

Не сказав ни слова, он сел на край кровати, расстегнул зажимы на бедре и снял доспех с правой ноги. Под ним была только белая материя и стеганые лоскуты на отдельных участках тела. Затем он начал стягивать громоздкие латы с другой ноги.

– Дайте мне руку, они впиваются в мое тело, – сказал он. Эмлин стояла в нерешительности, затем отступила на шаг назад. – Подойдите сюда. Чего, черт возьми, вы так боитесь? Ведь из-за вас же мне нужна эта чертова ванна, так что помогите мне снять это.

Эмлин опустилась перед ним на колени и начала снимать стеганые гетры, сначала с правой ноги – они снялись легко, затем с левой. Его голые, покрытые темными волосами ноги были длинными и сильными, от него пахло металлом, кожей и потом.

Когда она снимала гетры с левой ноги, под ними показалась пропитанная кровью ткань, прилипшая к коже. Она отвернулась, чтобы намочить в теплой воде из лохани чистое полотенце, потом размягчила покрытый коркой платок, которым была перевязана рана, и аккуратно сняла его.

Увидев рану, Эмлин затаила дыхание. Это была ужасная дыра размером с ноготь большого пальца мужчины, зияющая и воспаленная по краям.

– Ох! Выглядит очень болезненно, милорд, – выпалила она, и ее рука осторожно прикоснулась к его бедру.

⁵ Сюрко – длинный просторный плащ, по покрою напоминающий пончо. Часто украшался гербом владельца.

– Да, – выдавил он. – Потребуется несколько швов, чтобы она затянулась.

Эмлин снова посмотрела на рану и прикусила губу. Без соответствующего вмешательства ткани не заживут как следует, и инфекция может распространиться по всему телу. Сегодня на ночь потребуется приложить сильнодействующую припарку из чеснока и лука. Она с благоговейным страхом восхищалась силой и выносливостью гостя, ведь он почти не хромал, и никто не заметил его раны.

С детства приученная управлять домом, Эмлин знала кое-что о лечении травами. Она вылечила уже много мелких ран, справлялась с жаром и лихорадкой у членов семьи и слуг, присутствовала при родах, дежурила у кровати больных родителей... но никогда не зашивала человеческое тело.

Она приложила к ране мокрое полотенце, и барон вздрогнул. Когда Эмлин закончила, он начал расшнуровывать белую льняную рубашку.

– Знаю, было бы проще, если бы с ванной мне помогал мой человек, а вы только вымыли бы мне ноги. Но, – его голос звучал приглушенно, потому что он снимал рубашку через голову, – я приехал сюда прямо из королевского суда, не взяв с собой лакея. Никто не должен знать об этой ране. А поскольку вы нанесли ее, то вы и поможете мне сейчас.

Сказав это, он встал, быстро расшнуровал белые шерстяные брэ⁶ и слегка приспустил их. Эмлин затаила дыхание и отвернулась в замешательстве. Она отчетливо, пусть и мимолетно, увидела длинный сильный торс, темные волосы на его груди и ниже, на животе. А еще ниже, окаймленное черными завитками волос, располагалось его...

Эмлин сильно покраснела. Она никогда не видела полностью голого мужчину, хотя и знала, что это было обычным явлением для многих женщин, даже незамужних – руководить процессом принятия ванны мужчинами-гостями, родственниками или больными. Мужчины не слишком стеснялись, как она слышала. И вот тому верное доказательство.

Она услышала всплеск и глухой стук за спиной – это он шагнул в ванну и со стоном облегчения и боли опустил в горячую воду.

Смущенная и уверенная, что это непристойно, вовсе не желая долго оставаться с ним наедине, Эмлин страстно молилась, чтобы как можно скорее пришла Тибби с необходимыми бинтами и травяными мазями. Секрет это был или нет, но Эмлин считала неправильным утаивать рану от Тибби, имевшей опыт в медицине. Ведь она могла бы зашить ее.

Эмлин взяла со стола возле ванны полотенце, кувшин с маслом и травяное мыло, затем протянула мыло Николасу, стараясь не смотреть на него. Она почувствовала прикосновение его пальцев, когда он взял скользкий кусок, а потом услышала несколько всплесков, когда он нырнул в ванну с головой, чтобы помыть волосы.

Откинувшись назад, мужчина приподнял колени и положил руки вдоль стенок просторной лохани. Эмлин мельком взглянула на него. Свет камина отбрасывал янтарные отблески на его лицо и сильные твердые плечи. Его глаза были, как серебристые камни, и мокрые блестящие волосы вились вокруг высокого лба. У него было такое же гладкое и чистое лицо, как у его отца. Блуждающий взгляд Эмлин приковало вдруг к его рту, мягкой нижней губе... Четкую линию подбородка нарушал небольшой шрам в форме полумесяца, он проступал розовым блестящим пятном сквозь темную щетину. Его грудь, выступающая над поверхностью воды, была покрыта темными мокрыми волосами.

Для своего роста он был достаточно поджарым, но имел широкие сильные плечи и гладкие натянутые мускулы. Она знала, что даже груда доспехов и плащ не могут скрыть силы и грации его длинного высокого тела.

Эмлин вдруг почувствовала себя глупо, из-за того что уставилась на него, как голодный на щедро накрытый стол. Как безвольно, как неприлично с ее стороны поддаться, пусть

⁶ Деталь мужского гардероба в Средние века, разновидность кальсон.

даже на миг, этому визуальному искушению. Он вовсе не был щедро накрытым столом, напомнила она себе: его красота была классической, но суровой, и у него был неприятный характер.

Если бы он обладал хорошими манерами, то с его привлекательностью был бы вполне приятным человеком. Но такие мужчины – внимательные к женским чувствам, порядочные и добрые – были редкостью. Большинство же, за исключением ее отца, существовало лишь в эпических рассказах, которые она любила слушать и читать у камина. Жестокие манеры этого мужчины, само его присутствие в ее доме сильно раздражало.

Эмлин вздохнула и подняла полотенце. Однако, напомнила она себе, это из-за нее он получил рану. Он не выдал ее во время беседы в зале. Его просьба о ванне была ничем по сравнению с тем, что он мог рассказать своему отцу.

Барон смотрел на нее из-под полуопущенных век, и она вновь покраснела.

– Может, мне послать за кем-то, чтобы вас побрили, милорд?

Он покачал головой, намыливая голову.

– Нет, не сегодня. И хотя это было бы очень приятно, я даже не попрошу вас потереть мне спину, – сказал он. Прижав к голове мокрую тряпку, он закрыл глаза, пока пенная вода стекала по его лицу. – Но вы можете ополоснуть мне волосы. – Не открывая глаз, он указал рукой в сторону ведра с чистой водой. Эмлин взяла его и подняла над головой гостя. Чем быстрее закончится это суровое испытание, тем лучше.

Она перевернула ведро, и вода хлынула по его голове и плечам потоками кипятка. Барон закричал и сел прямо.

– А#a!!! – ревел он. – Вы что, не могли убедиться в том, что она не горячая? Вы ошпарили меня! – Покачивая головой, он протер глаза и со злостью посмотрел на нее.

– О, милорд, мне так жаль, – обеспокоенно произнесла Эмлин, с искренним сожалением похлопывая его полотенцем по голове и плечам.

Выватив у нее полотенце, он поднес его к лицу, затем начал вытирать им волосы.

– Видит Бог, женщина, вы собрались прикончить меня сегодня, не так ли? Я был подстрелен из лука, чуть не прибит пешкой, а теперь я ошпарен, как угорь. Вы что же, еще и яду подмешали вечером в вино? Мне нужно быть настороже всю ночь или лучше уехать сейчас же, чтобы сохранить свою жизнь?

Эмлин повернулась, взяла сухое полотенце и бросила барону в лицо. Оно упало ему на грудь и намокло.

– И правда, милорд, почему бы вам не уехать? Я собственноручно открою для вас ворота! – Она отошла в сторону, желая оставить его. Когда она проходила мимо, он потянулся и схватил ее за руку.

– Подождите-ка, леди. Я останусь до тех пор, пока надлежащим образом не будут выполнены мои обязательства перед королем. А вы не забыли, что обязаны мне?

Она опустила на него глаза, тяжело дыша. Ее щеки горели, волосы запутались вокруг лица, а влажные локоны прилипли к шее. Она осознавала, что больше похожа на служанку, чем на дворянку, но ей было все равно. Если она сейчас не выплеснет свой гнев, то будет похожа на охотничью собаку из ада.

– О вашей ране позаботятся, милорд, – сквозь зубы процедила она. – Других обязанностей перед вами у меня нет.

Его рука была мокрой и теплой, и он крепче сжал ее.

– Никаких, леди? Жаль, – пробормотал он. – Вы так сладко выполняли свои обязательства. – В его тоне чувствовался сарказм.

Она попыталась высвободить руку, но ей удалось лишь брызнуть пальцами по мыльной воде.

– Вы собираетесь наставить рога собственному отцу? – спросила она.

Он сильнее сжал ее пальцы.

– У вас язык змеи.

– А у вас ее сердце. Человек, отбирающий детей... – Она пыталась освободиться, ее рукав уже промок.

Хоквуд потянулся к ней, вода струйками стекала по его груди, капая ей на пальцы.

– Это послание не моих рук дело, леди. Мы оба являемся жертвами. – Произнося это, он медленно водил большим пальцем по ее запястью. У нее по руке побежали мурашки, затем переместились на грудь и опустились к животу.

Не говоря ни слова, она вырвалась, и он не стал ее удерживать.

– Если вы закончили принимать ванну, там лежит халат, – надменным тоном проговорила она, указывая на мягкий светлый шерстяной халат, который Жанна сложила на кровати.

Громкий удар в дверь предшествовал появлению Тибби, которая резко зашла в комнату еще до того, как затих ее стук.

– Миледи, – запыхавшись, начала она, – я принесла бинты и мазь.

Барон с изумлением посмотрел на Тибби, а она стремительно направилась к нему.

– А теперь, милорд, дайте мне взглянуть на вашу голову.

– На что? – ошеломленно спросил он.

– На вашу башку, куда миледи стукнула вас. – Она наклонилась вперед.

Осторожно положив мокрое полотенце на область паха, он указал пальцем на рану в бедре, едва виднеющуюся под поверхностью воды.

Тибби изумилась.

– Милорд! Леди Эмлин сделала это шахматной фигурой?

– Нет, Тибби, – сказала Эмлин, – стрелой.

Хоквуд бросил на нее неодобрительный взгляд, и она состроила ему гримасу в ответ.

– Я оставляю вас двоих разбираться с этим. Моя часть договоренности выполнена, милорд. О вашей ране позаботятся. Тибби умелый врач. Наверняка сегодня вечером вам больше не понадобится моя рука.

– Наверняка нет, – прорычал он, когда Эмлин захлопнула за собой дверь.

Глава 5

– Юная леди, ваши слуги явно перегрузили эти повозки.

Его глубокий голос донесся до нее в утренней прохладе. Николас де Хоквуд шел через двор замка по направлению к Эмлин, указывая в сторону двух телег, доверху набитых коваными сундуками, свернутыми постельными принадлежностями, гобеленами и несколькими огромными узлами. Слуги продолжали сносить вещи к повозке.

Барон приближался к ней, не хромя. Хотя темные круги под глазами, напряженные губы и челюсть под темной щетиной выдавали усталость, он снова был импозантным рыцарем, которого она встретила в лесу. Длинный небесно-голубой плащ с низко надетым ремнем и узором в виде вышитых золотых соколов прикрывал его доспехи, ниспадая с широких плеч. Капюшон был опущен, и его темные волосы лишь слегка развевались на ветру.

Хоквуд возвысился над ней.

– В Хоксмуре достаточно мебели, так же, как и в замке моего отца в Греймере. Я прикажу разгрузить вторую повозку.

За невозмутимым видом Эмлин пыталась скрыть свою возрастающую ненависть.

– Господин барон, – ответила она, – детей заставляют покинуть их дом. Я не позволю отобрать у них то, что им дорого. Все это необходимые вещи.

Хоквуд молча наблюдал за суетой вокруг двух повозок. Один из его собственных всадников, одетый в темно-зеленый плащ, вышел из конюшни с ярко раскрашенным деревянным детским седлом и положил его на увеличивающуюся грудку второй повозки.

Николас нерешительно покачал головой.

– Потворствовать прихотям детей – это понятно. Но вы могли бы перевезти все свои вещи по частям.

– У вас много солдат, они справятся с этой задачей.

– Солдаты не обязаны выполнять работу слуг, хотя я вижу, мои люди вполне охотно выполняют ваши приказы. Но никто из них не будет управлять лошадьми и не поедет в экипаже. Лорд Уайтхок и я возьмем только одну повозку. Прощаюсь до вашего отъезда, миледи. – Резко кивнув, он повернулся, чтобы идти.

– Нет, сир, постойте! – сказала она. Ее высокомерный тон заставил его притормозить, и он властно оглянулся через плечо.

В глазах Эмлин сверкнул недобрый огонек, она подошла к нему и поспешно опустила взгляд, разжав кулаки. Она не доставит ему радости снова иметь повод назвать ее змеей.

– Я тщательно готовлюсь к отъезду, милорд, – сказала она. – А поскольку нужно упаковать сундуки с моей одеждой, остоу кровати, а также снять окна, прошу передать вашему отцу, что мы не сможем выехать до второй половины дня или даже до завтрашнего утра.

– Боже правый, окна! – воскликнул он, теперь полностью повернувшись к ней.

Эмлин дерзко вздернула нос.

– У нас в Эшборне отличные стеклянные окна. Их упакуют и перевезут в мои новые комнаты. Если они останутся здесь, их наверняка разобьют солдаты вашего отца.

– Миледи, – произнес он, отчеканивая каждое слово. – Мы уезжаем не потому, что сменилось время года или закончился сезон охоты. Мы не перевозим имущество, потому что вам скучно, а поэты перебрались на юг. Мы выполняем королевский приказ немедленно освободить замок.

– Во имя всех святых, вы просите троих детей покинуть дом по-солдатски, ни с чем, кроме рюкзаков на спине, – горячо ответила она, посмотрев на него снизу вверх.

Он тоже посмотрел на нее.

– То, что потащат на этой телеге, сложно назвать ничем, миледи. Будет нагружена только одна повозка. Видит Бог, все это сильно нас задержит.

Ее дрожащие пальцы, сжимавшие воротник плаща, выдали внутреннее волнение, которое она так старалась скрыть.

– Ваш отец дал мне этот день на сборы детей и мои собственные. Еще так рано, а вы уже хотите отправляться.

На его щеке заиграл желвак.

– Постарайтесь сделать так, чтобы ничего не задержало нас здесь, миледи. Уайтхоку не терпится уехать отсюда. – Его привычный самоконтроль, казалось, начал изменять ему. Он сделал глубокий вдох. – Что-нибудь еще? Лучше мне услышать это сейчас.

Эмлин бросила на него сердитый взгляд.

– Уолтер де Лиддель останется сенешалем в Эшборне в мое отсутствие. Он знает местность и наших людей здесь.

– Я уже предложил это Уайтхоку. Сэр Уолтер имеет большой опыт, Эшборн будет приносить прибыль под его руководством.

– Кузина моей матери, миссис Изабель – Тибби – будет сопровождать детей в Хоксмур.

– Моя тетя будет заботиться о них в Хоксмуре.

– Тибби заботится о них, как о собственных детях, она воспитывала всех детей в этой семье... – Глаза Эмлин неожиданно наполнились слезами, когда она посмотрела на него. Девушка слегка подняла голову, и одна слезинка скатилась по ее щеке.

Хоквуд быстро отвел взгляд в сторону, затем кивнул в знак согласия.

– Хорошо, значит, ваша Тибби поедет с нами.

Эмлин от удивления приоткрыла рот. Его небритые щеки залились густым румянцем, а серые глаза вдруг стали сине-зелеными, словно луч солнца сверкнул на холодном небе. Она изумленно наблюдала за этим превращением. Никакие эмоции не могли растопить сердце этого каменного мужчины, думала она – его щеки стали румяными из-за холодного воздуха. Эмлин уже заметила, что кожа его отца имела такое же свойство легко заливаться краской. Но она была убеждена, что среди Хоквудов не было никого с добрым сердцем.

– Не задерживайте нас больше, чем нужно, миледи, – резко сказал он, развернулся и широкими шагами пошел через двор замка, чтобы присоединиться к Уайтхоку.

Она задумчиво смотрела, как он уходит. Барон правильно понял ее попытку задержать отъезд детей. Она отчаянно хотела дольше побыть со своими братьями и сестрой, ей нужно было закончить некоторые дела в замке, пока тот не перешел в руки Уайтхока. Она просто не могла уехать сейчас. Понадобится день, может, больше, чтобы рассказать обо всем домохозяевам и дать им советы, связанные со сменой владельца. Она вздохнула. Уайтхок вряд ли проявит такую же заботу и великодушие, как Эшборн.

С детства Эмлин и ее братья и сестры были знакомы со многими семьями из близлежащих сел. Эта земля была отдана во владение их семье Вильгельмом Завоевателем, и поколения баронов Эшборн показали себя честными и снисходительными владельцами. Крепостные добровольно помогали в посадке, сборе и продаже урожая, даже сейчас, когда налоги и штрафы короля Иоанна опустошали полные сундуки Эшборна.

Лорд и его семья всегда благодарили этих людей землей или продуктами. Когда закрывались монастыри во время запрета, отлучившего Англию от церкви в наказание за действия короля, Роджер де Эшборн взял на себя благотворительные дела, обычно совершаемые монахами. Прошлой зимой Эмлин сама убедилась в том, что бедняки и старики обеспечены всем необходимым.

Она понимала, что предписание короля Иоанна изменит характер отношений между этими людьми и их господином. При условии, что Уот останется сенешалем замка, традиции не изменятся, если только не вмешается Уайтхок. Она удивлялась тому, как далеко про-

стиралась жестокость графа. Может быть, его ненависть распространялась и на членов его собственной семьи.

Пройдя по двору замка, она подошла к конюшне, где стоял Уайтхок с другими людьми, включая его сына. Высокий и крупный, граф сразу бросался в глаза в своих блестящих черных доспехах и черном плаще. Его белые волосы развевались над откинутым капюшоном. Николас де Хоквуд указал в сторону повозок, и его отец выкрикнул какое-то замечание.

Когда Эмлин подошла ближе, Уайтхок резко обернулся и, насупив белые брови, сердито посмотрел на нее.

– Мне передали, что многое нужно сделать до того, как вы сможете отправиться, миледи.

– Да, милорд, – запинаясь под его тяжелым ледяным взглядом, ответила Эмлин. – Есть определенные дела, которые требуют моего внимания.

– В Эшборне нет больше никаких дел, которые требовали бы вашего вмешательства. Проследите только, как собирают ваши вещи. – Он снова посмотрел на нее, его челюсть дрожала. – И мы не берем с собой окна, во имя всех святых!

Эмлин глубоко вздохнула и расправила плечи. Эти мужчины явно нечасто переезжали, иначе они бы понимали, как важно снять хорошие стеклянные окна и установить их на новом месте. Рамы можно было транспортировать. Чем больше Уайтхок с сыном сопротивлялись, тем более решительной становилась Эмлин в своем желании забрать с собой окна. Кроме того, снять их и упаковать в дорогу... это займет несколько часов, таких необходимых ей часов.

– Я не начну свою супружескую жизнь, имея всего несколько наспех брошенных в сундук предметов. У меня должны быть постельное белье, мебель и окна моей мамы. А детям нужны их вещи.

– В моем доме не будет цветных церковных окон! – заорал граф. Двое из трех солдат отошли в сторону.

Напряжение прошлого вечера и сегодняшнего утра сильно вымотали ее. Эмлин больше не могла сдерживать свой нрав.

– Если вы должны получить меня в жены, сэр, вы получите окна и все остальное! – громко сказала она.

Николас де Хоквуд отвернулся, пряча улыбку. Эмлин мельком взглянула на него, затем вновь посмотрела на Уайтхока, возвышавшегося над ней. Его узкие голубые глаза ледяными точками светились на скуластом покрасневшем лице. Весь его гнев, казалось, собрался в этом холодном взгляде, и Эмлин с трудом подавила желание отойти в сторону.

В голосе графа чувствовались низкие опасные нотки:

– Поступайте, как вам угодно, леди, до тех пор, пока не войдете в мой замок и в мою постель. Тогда и выучим роли хозяина и хозяйки.

Эмлин побледнела от этого намека. Уайтхок обратился к Николасу:

– Мы больше не будем ждать капризную невесту. Я проеду с вашим кортежем часть пути. Мы отправляемся через полчаса.

Николас быстро кивнул. Граф повернулся к Эмлин.

– Вы останетесь здесь и погрузите вещи в повозки на досуге, но через неделю вы покинете замок. Хью де Чавант, капитан моей стражи, останется, чтобы сопровождать вас в мой замок, в Греймер.

Эмлин с изумлением уставилась на него, не проронив ни слова. Ее попытки отложить отъезд все испортили. Дети уедут с эскортом Николаса де Хоквуда, с Уайтхоком, но без нее. Заявив, что не готова, она дала Уайтхоку возможность перехитрить ее.

– Одна неделя, миледи. Достаточно времени, чтобы сорвать уборные, если вы хотите увезти и их тоже. – Уайтхок резко повернулся к ней спиной и размашисто зашагал прочь.

Ее грудь и горло сжались от паники. Она решила догнать его, но Хоквуд быстро преградил ей путь. Она врезалась в его кольчугу, и барону пришлось схватить ее за плечи, чтобы девушка не упала.

Ловя ртом воздух, Эмлин пыталась высвободиться из его хватки.

– Господи Боже, вы действительно отберете у меня детей, – осипшим голосом произнесла она. – Отпустите меня. Я должна поговорить с ним.

– Подождите, миледи. Вы вряд ли сможете побороть такого монстра, как Уайтхок. Послушайте внимательно. Остерегайтесь Уайтхока и не провоцируйте его. Усвойте уже сейчас, что вы должны выполнять его приказы.

Из ее горла вырвалось рыдание, и девушка резко сжала губы. Она не хотела плакать здесь, перед слугами и незнакомцами. Она не распустит нюни на глазах у этого человека. И в этот миг именно злость помогла ей собраться.

– Будь проклят ваш отец, – сквозь зубы прорычала она и вырвалась из рук барона. – И вы, милорд... У вас хватило «благородства» взять в заложники детей. Это трусливый способ захватить замок.

– Миледи, я подчиняюсь приказу короля, – коротко ответил он. – Дети слишком малы. Я бы с радостью отказался от этой ноши.

– Скажите королю, что я отказываюсь как от обручения, так и от вашей опеки над детьми. – Ее глаза метали небесно-голубые искры. – Клянусь Богом, я отберу у вас детей назад.

– Смелые слова глупой девчонки, – прорычал Хоквуд. – Если вы замышляете что-то недоброе, миледи, научитесь не трубить об этом на всю округу. – Он продолжил, понизив голос: – Некоторых посадили в тюрьму и за меньшее.

– В тюрьме, милорд, пытки не страшнее, чем те, через которые в последнее время прошла моя семья! – Эмлин резко развернулась и хлестнула золотой косой по его руке. Несколько тонких волосинок запуталось в стальной кольчуге. Раздраженная, она со злостью дернула косой и устремилась прочь.

– Проклятые глупые рыцари, следующие полоумным королевским приказам, – пробурчала Тибби.

Эмлин взяла из рук Тибби крепыша Гарри и посадила к себе на колени. Изабель стояла подле нее, и Эмлин свободной рукой гладила блестящие темные кудряшки девочки.

– Идите, Тибби, – давая это распоряжение, она вздохнула. – Собирайте свои вещи.

Тибби кивнула – ее покрасневшие глаза затуманились – и резко двинулась через двор, не упустив возможности по пути задеть локтем одного из солдат Уайтхока. Ее юбки яростно металась в разные стороны, пока она поднималась по каменной лестнице цитадели, громко озвучивая свои соображения.

Кристиан, только что вернувшийся из конюшни, потянул Эмлин за плащ. Его каштановые волосы запутались от сырого ветра, а в сапфировых глазах танцевали огоньки. Гарри протянул толстые пальчики и схватил брата за волосы.

– Эмлин, – начал Кристиан, уклоняясь от Гарри. – Можно мне поехать с сэром Питером на его боевом коне? Сэр Питер разрешил. Я не хочу ехать в экипаже с женщинами и детьми. – Он поморщил нос.

– Большую часть пути ты будешь находиться в экипаже. Но если сэр Питер разрешил, можешь немного проехать верхом. – Она улыбнулась его простому невинному возбуждению, так отличавшемуся от робкого поведения Изабель, которая все утро не отходила от Тибби и Эмлин.

Гарри потянул за капюшон ее плаща, накрыв ее лицо, и Эмлин попыталась увернуться. Изабель и Кристиан засмеялись ее попытке вырвать капюшон из пухлых упрямых пальчиков Гарри. Сладкие трели детских голосов наполнили сердце Эмлин любовью.

– Нам обязательно ехать с тем ужасным стариком с белыми волосами? – Изабель была нынче капризна – результат раннего подъема и сбивающих с толку событий этого дня. – Он грубо обращался с Каджилом в зале во время завтрака.

– Мы арестанты и поедem в тюрьму? – спросил Кристиан.

Эмлин постаралась, чтобы ее опасения не отразились в голосе.

– Успокойтесь, дорогие мои. Никто из нас не арестован. Лорд Уайтхок поедет в свой собственный замок, который называется Греймер. Вы ненадолго останетесь в Хоксмуре с бароном Николасом. – Не зная, как сказать им о своей помолвке, она решила не упоминать о ней вовсе. На детей и так свалилось достаточно перемен.

– Барон мне нравится, – сказал Кристиан. – Он хороший и сильный, и выглядит как король. Его черного коня зовут Сильванус. Силь#ва#нус.

– Почему ты не поедешь с нами? – спросила Изабель.

– Сначала мне нужно решить кое-какие дела здесь, – мягко сказала Эмлин. – В Хоксмуре вам будет хорошо и безопасно, сладкие мои, а потом я приеду и заберу вас.

Гарри пытался прыгнуть на пол. Удерживая его, девушка наклонилась, чтобы крепко обнять троих детей, вдохнуть их смешанные запахи – молока, шерсти, пирожков с яблоками и теплой детской кожи.

– Будь храбрым, – нежно сказала она Кристиану. – Помни, настоящий рыцарь защищает тех, кто в нем нуждается. Присматривайте с Изабель за Гарри, следите, чтобы возле него всегда кто-то был. – Дети кивнули с серьезным видом. – Будьте настоящими друзьями. – Она поцеловала каждого в мягкую щечку. – Я приеду к вам сразу, как только смогу. – Никто, даже король, подумала она, не сможет отобрать вас у меня навсегда.

– Пойдемте, цыплятки, мы сделаем удобное гнездышко, – позвала их Тибби, направляясь к экипажу, и близнецы помчались за ней.

Экипаж был готов: вещи крепко привязаны, лошади впряжены, навес натянут. Неся Гарри, Эмлин увидела, что экипаж немного покачивается, и почти не удивилась, обнаружив, что это Кристиан и Изабель прыгают внутри.

Уот заглянул в повозку, и близнецы выскочили оттуда, как щенки из корзины, и бросились ему на руки. Он обнял их, затем посадил назад в экипаж и быстро прикоснулся к головке Гарри. Его лицо было напряжено, когда он кивнул Эмлин, а потом Тибби, перед тем как быстро уйти.

Когда Тибби разместилась на деревянной скамье, Эмлин снова поцеловала Гарри и усадила его на колени женщины. У нее перед глазами все затуманилось.словно пребывая во сне, она поцеловала близнецов, взъерошила их шелковистые волосы, поправила плащи и напомнила им прилежно себя вести, быть послушными, молиться, есть мясо и овощи, умываться. В заключение она обняла Тибби.

Экипаж тронулся с места и покатился между рядами всадников, скачущих парами на значительном расстоянии друг от друга. Уайтхок скакал впереди всех. Николас де Хоквуд с Питером де Блэкулом проехали мимо нее после того, как экипаж прогремел далеко вперед. Барон коротко ей кивнул, пристально посмотрел в глаза и отвернулся.

Эскорт медленно пересек двор замка под мрачными взглядами слуг, вышедших на улицу. Скрипя колесами и ритмично покачивая деревянной основой, экипаж миновал огромную арку с опускающейся решеткой. За ним последовали оставшиеся стражники.

Когда Кристиан и Изабель высунулись наружу, чтобы помахать Эмлин, на их маленьких бледных лицах читалось неожиданное замешательство.

Четыре дня спустя, когда эскорт шел долиной, растянувшейся перед Хоксмуром, Николас чувствовал себя уже совсем измученным. Громоздкий экипаж замедлял их путь, и удивительное количество необходимых для детей остановок было невыносимым. Путешествие заняло намного больше времени, чем он планировал.

Следование по старым римским дорогам еще больше удлинило путь. Уайтхок настоял на том, чтобы ехали низинами, мимо ферм и заселенных деревень. Николас сжимал зубы от разочарования всякий раз, когда они объезжали участки леса, ведь можно было ехать по прямым лесным тропам.

Но погода была хорошая, и дети оказались на удивление отважными путешественниками, хотя и спрашивали постоянно, является ли то поместье или этот замок Хоксмуром.

Наконец вдаль показался Хоксмур, три из шести его закругленных башен поблескивали в бледных лучах вечернего солнца. С юга была видна громадная защитная стена, как будто высеченная из отвесной скалы, – она была построена на выступе над рекой. У основания утеса, имеющего крутой склон, простирались поросшие вереском поля и леса.

Они пересекут реку на мелководье и объедут неприступную полукруглую стену до западных навесных ворот, через которые их и впустят. У реки Уайтхок и его люди свернут на восток к Греймеру.

Николас с облегчением вздохнул, предвкушая тот час, когда их пути разойдутся. Он посмотрел на отца, который ехал рядом и сейчас задумался о чем-то своем.

– Видит Бог, эшборнская девчонка независима, как кошка, – заметил Уайтхок. – Помяни мое слово, скоро она будет вести себя, как подобает хорошей жене. Как только я уложу ее в кровать, она быстро научится оказывать уважение. – Он ухмыльнулся Николасу. – Всем женщинам с острыми языками нужно попробовать настоящего мужика, – самодовольно добавил он.

Николас молча сжал губы, сильно покраснев, а его отец хрипло засмеялся.

– Ей лучше выйти за меня, чем за такого, как ты, – продолжил Уайтхок. – Я очень сомневаюсь, что ты смог бы справиться с ней. Я, однако, не стану терпеть таких препираний ни от какой женщины.

– Готов поклясться, что мы лицеизрели крутой норв леди Эмлин только потому, что отобрали у нее дом и братьев с сестрой, милорд, – спокойно ответил Николас, и пальцы его при этом крепко сжимали поводья.

Уайтхок некоторое время скакал рядом молча, затем снова заговорил:

– Свадьба состоится через месяц – достаточно времени, чтобы все, включая невесту, приехали в Греймер. – Граф бросил взгляд на сына. – Не привози с собой детей, я не хочу душераздирающих сцен на собственной свадьбе. Девчонка наверняка попросит меня оставить их у нас.

– Они ее семья. Естественно, она надеется, что опеку над ними передадут ее мужу.

– Король Иоанн постановил нянчиться с детворой тебе, а не мне. Держи их в Хоксмуре, пока король не решит их судьбу. Если он вспомнит про них.

Николас устало вздохнул при мысли о постоянной опеке.

– Я должен отклонить ваше приглашение, милорд.

– Ты этого не сделаешь. – Уайтхок сердито посмотрел на сына.

– В скором времени я уезжаю в Лондон.

– Ты заодно с баронами, которые планируют вразумить короля!

– Нет, милорд, я еду побеседовать с ними.

– Нет, говоришь? Я знаю, что ты поддерживаешь тех мятежников, баронов, стремящихся уничтожить самого короля, давшего мне возможность обогатить мои владения, которые однажды станут твоими! – Румянец на лице графа стал еще ярче. – Господи, я состря-

паю себе другого сына, и с тобой будет покончено. Девчонка выглядит достаточно здоровой, чтобы родить кучу достойных сыновей.

Николас даже не вздрогнул от слов отца. На протяжении многих лет он слушал речи о том, что Греймер, возможно, будет принадлежать ему, а, возможно, нет. Более того, он часто задумывался над тем, что лучше ему вовсе не иметь наследства, нежели быть попрекаемым им и регулярно терпеть эти «дам-не дам» в зависимости от настроения отца. Он достроил свое собственное поместье, унаследованное от матери, Хоксмур, сейчас оно процветало. Цитадель Греймер, когда помрет Уайтхок, могла идти к чертям собачьим – ему было все равно.

Он призвал на помощь все свое терпение.

– Бароны собираются на подступах к Лондону не для того, чтобы сбросить короля, а чтобы поддержать создание хартии, которой мы требуем. Те несколько баронов, кто действительно угрожает жизни и собственности короля, – это просто горячие головы, милорд. – Он уже объяснял все это отцу ранее. – Есть множество людей, которые предпочитают бунту здравомыслие и мудрость.

– Ты тоже когда-то был горячей головой. Конечно, ты такой же страстный противник короля, как Юстас де Весси и его сподвижники. – Уайтхок презрительно фыркнул. – Свергнуть короля – вот чего они добиваются. Мы подошли к перепутью, и не очень приятному. Мое поколение понимает, что такое верность королю, а твое – нет.

– Многие желают изменить английские законы, милорд, но вас среди желающих нет.

– Да, и мои сторонники сильны. Сам Уильям Маршал выступает против действий этих баронов, как и многие другие.

– Я глубоко уважаю Маршала. В Англии не сыскать лучшего человека. Мне кажется, он отвергает хартию из верности и опасения за короля Иоанна. В любом случае нам повезло, что он, с его рассудком и здравым смыслом, находится сейчас около трона.

Уайтхок рассердился.

– Однако ты не согласен с человеком, чьи ум, опыт и суждения во многом превосходят твои?

– Я хотел бы лучшей системы для дворянства, сир. Мы все должны смотреть в будущее и думать о наших поместьях. Королю Иоанну нельзя доверять. Кто из нас уверен в безопасности своих владений, если у короля случится приступ гнева или жадности? Судьба семьи де Эшборн может однажды постигнуть меня или вас.

– Он наш король!

– Хотя у него острый ум, он полон злости и желчи. Его склонность к мщению слишком сильна, и мы можем пострадать от нее, если не возьмем все под контроль.

– Юстас де Весси и Роберт Фитцуолтер тоже хотят мести, – произнес Уайтхок.

– Это правда. Они оба были напрямую оскорблены и понесли убытки из-за жалкой склонности короля. Ими движет возмущение. Они отличные сильные лидеры, обладающие здравым смыслом, но в их группе есть и отчаянные мятежники. Другие, трезвые умы, тоже включились в это движение. Многие бароны получают ряд указаний, милорд. Король может сразить кучку дворян и поставить их на колени, но он не в силах остановить объединившуюся мощь почти всех баронов Англии.

Он крепче сжал поводья, остановил своего коня и посмотрел на отца, остановившегося рядом.

– Пришло время для новых законов Англии, – сказал Николас. – Иоанн не тот король, каким был его отец. Он выдающийся, да, но у него нет сердца. В стране царит хаос из-за его жестокости. Мы должны защитить наши земли и наши семьи от такой жестокой власти. В Англии всегда правили законы, защищающие ее народ. Мы не можем поддерживать короля, который игнорирует законы.

Уайтхок был явно возмущен, его грудь бурно вздымалась, лицо горело, залились краской даже корни белых волос.

– Что касается меня, то я не имел проблем с Иоанном. Он великодушный и справедливый с теми, кто поддерживает благие намерения Англии.

Николас презрительно фыркнул.

– Вы имеете в виду благие намерения Иоанна.

Уайтхок смерил его долгим ледяным взглядом. До Николаса доносилось его громкое сопение.

– Если бы эти молодые бароны проявляли подлинное почтение к королю – как каждый из вас давал обещание поступать, когда вам на плечо клали меч, – то мы не оказались бы в таком плачевном положении. Вы будете разбиты, все вы! Почему ты так настойчиво поддерживаешь эту противоречивую хартию вольностей? Бог дарует свободу человеку через церковь и короля. Люди не могут требовать таких вещей для себя.

– Возможно, настало время людям попытаться, сир, – ответил Николас.

– Я переоценивал тебя. Надеюсь, что твоя необузданность уйдет и, возможно, с возрастом ты успокоишься, образумишься.

Молодой барон сжал челюсти и промолчал. Он давно уже прекратил попытки объяснить отцу свои взгляды, испробовав до этого как логику, так и неповиновение. Порой Уайтхок, казалось, торжествовал в своих кристально твердых суждениях: мир был таким, каким понимал его он. В крохотном мире Уайтхока не существовало альтернативной точки зрения, и он навязывал свои условия внешнему миру изнутри своего мирка. Даже трагическая смерть матери Николаса не доказала ему неизбежного краха надменной структуры его вселенной.

В конце концов Николас понял тщетность своих попыток объяснить Уайтхоку собственные взгляды. Он научился не распространяться на этот счет и держать дистанцию, если только ему не приходилось бывать в компании Уайтхока по делам короля или земли, ведь Хоксмур и Греймер находились в одиннадцати милях друг от друга.

– Возможно, возраст – это все, что мне нужно, – сухо ответил Николас.

– Возраст оказывает успокаивающее воздействие, – дружелюбно согласился Уайтхок. – И я ожидаю, что новый брак сделает меня еще спокойнее. – Он вдруг оскалил зубы, напомнив Николасу огромного клыкастого волка. – Но, клянусь, я еще достаточно молод, чтобы насладиться моей красивой невестой.

Непрошенный образ отца за пологом кровати рядом с Эмлин де Эшборн – его мясистые руки, исследующие ее тонкое тело, – заставил кровь Николаса закипеть от злости. Приложив усилие, он прогнал этот образ.

– Я хотел бы поговорить с вами касательно особого дела, милорд, – резко произнес он.

– А? О чем это?

– Недавно мой сенешаль сообщил мне, что вы приказали своим рабочим начать строительство на севере долины Арнедейл, – сказал он. – Это место частично находится на земле, которая принадлежит мне. Я должен попросить, чтобы вы приказали своим рабочим прекратить стройку.

Уайтхок покосился на сына.

– Это не твоя земля.

Николас вздохнул.

– Давайте не ступать в это болото. Земля в долине вам не принадлежит, однако вы упорно продолжаете предъявлять на нее права и теперь начали строительство на ней. Мой сенешаль заверяет, что ваш последний проект действительно затрагивает земли Хоксмурса. Принадлежит ли оставшаяся часть долины вам или аббатствам Уистонбери и Бол-

тон – это к делу не относится. Просто поручите вашим каменотесам выбрать другое место для строительства, и дальнейшие споры ведите с аббатствами, если желаете.

– Я бесконечно устал от споров по этому делу. Та долина принадлежит мне, это было приданое твоей матери, и со временем я докажу это, – прорычал Уайтхок.

– Прекратите строительство в моих владениях, милорд, – ровным тоном повторил Николас. – Я буду вынужден остановить вас, если вы продолжите.

– Пусть долина это спорный вопрос, но Хоксмур тоже принадлежит мне, не забывай, – заметил Уайтхок. – Мне понадобилась цитадель в том районе, а местоположение Арнедейла подходит лучше всего.

– Я предупреждаю, милорд: оставьте этот ваш план.

– Разве Хоксмур не выиграет, имея хорошо укрепленного соседа? В той местности было достаточно бед. Хорошенько подумай. – Уайтхок кивнул, затем хлестнул коня по боку и ускакал.

Николас стиснул зубы и заерзал в седле, а затем полужакрытыми безучастными глазами посмотрел на приближающийся накренившийся экипаж. Дети помахали ему, и Николас поднял руку, чувствуя, как сжимается его сердце. Он громко выдохнул, выпуская некоторое напряжение, оставшееся от разговора с отцом.

Увезенные из безопасного родного дома, дети теперь тряслись в экипаже, неунывающие и спокойные. А впрочем, они ведь были не одни, они были друг у друга, а еще с ними ехала миссис Тибби, и где-то осталась сестра, поклявшаяся вернуть их.

Он вспомнил ее худенькие руки, поправляющие капюшон маленькой сестры и прикасающиеся ко лбу брата. Можно было позавидовать той преданности и любви, которые, несомненно, царили между ними. Он отдал бы все, чтобы хоть на миг увидеть свет такой любви в своей собственной жизни.

Только его мать, которая умерла, когда ему было семь лет, проявляла к нему такую чистую любовь. Память о ней хранилась, как сладкий звон серебряных колокольчиков: теплые объятия, нежный голос, блестящие темные волосы, пахнувшие розами. Через несколько лет он узнал, что сделал с ней Уайтхок, и понял, как тот презирает его, Николаса. Ответное чувство ожесточило его собственное сердце.

Наблюдая за проезжающим мимо экипажем, он поднял вожжи и позволил Сильванусу медленно идти вперед. Он испытывал сочувствие к маленьким Эшборнам, ведь он тоже был отослан из дома в шесть лет, его воспитывал дядя, женившийся на сестре его мамы. Леди Джулиан воспитывала его с нежностью, и ее муж, лорд Джон де Гантроу, был хорошим человеком с обостренным чувством долга и громким смехом. Питер и кузен Чавант воспитывались там же.

К тому времени, когда Николас достиг зрелого возраста, сильное положительное влияние тети и дяди сделало его разительно отличающимся от того, кем видел его отец. Уайтхок дал четко понять, что он считает Николаса скверным сыном и рыцарем. Отмечалась любая его слабость, и не обращалось никакого внимания на его достоинства.

Он научился терпению, во многом из-за грубости отца, и чувствовал, что сдержанность и замкнутость унаследовал, скорее всего, от матери. Леди Бланш годами с достоинством терпела жестокость и ревность Уайтхока, пока они не убили ее. Эту смерть, более всего остального, Николас нашел невозможным простить.

Однако иногда он испытывал к отцу нормальные человеческие чувства. Он не решался судить Уайтхока и признавать его злодеем, зная, что его собственную жизнь и поступки тоже могли назвать нездоровыми, если бы судили.

Дети окликнули его и попросили подождать, и он придержал своего коня. Глядя гладкую блестящую шею животного, он продолжал размышлять, пока экипаж подъезжал ближе.

Естественно, было нечестно забирать этих детей из дома. Порой он чувствовал себя запятнанным позором – это было похоже на кислый привкус плохого вина. До тех пор пока он остается в ссоре с отцом, его не будут уважать. И до тех пор пока он продолжает бросать тайный вызов Уайтхоку – и не имеет значения, что он действует в интересах других, тех, кто пострадал от жестокости его отца, – он не узнает подлинного вкуса благородства.

Эмлин де Эшборн была права: забрать детей было трусливым приемом, недостойным барона, противостоящего королю Иоанну. Ее укол жалил так же больно, как и ее стрела, угловившая в его бедро. Но она не знала, что он согласился на это, чтобы уберечь детей от опеки Уайтхока. Это, по крайней мере, Николас мог сделать, хотя он был обязан семье Роджера де Эшборна намного большим.

Четыре года назад, желая возвратить долг ее отцу, Николас втайне попросил руки Эмли. Ее родители согласились, но девочка была слишком юна и тогда еще находилась в монастыре, а потом смерть Роджера помешала окончательной договоренности.

Он был уверен, что никто не знал о его предложении. Теперь, когда девушка по приказу короля была отдана Уайтхоку, Николас мог лишь принять опекунство над детьми. Но должен был существовать способ сполна вернуть долг этой семье, и он найдет его.

Сейчас, увидев Эмлин де Эшборн, он пожалел, что его намерение жениться так и не осуществилось. Доброта украшала ее как золото, несмотря на частые злые нотки в ее голосе. В ней были смелость, ум и характер, способный вывести из себя любого. И тем не менее она была простодушной и обладала нежной соблазнительной красотой. Такая женщина являлась редким подарком. Он опасался, что Уайтхок только запятнает и испортит ее.

Когда экипаж поравнялся с ним, маленький мальчик вскрикнул при виде его огромного боевого коня, протянул руку и прикоснулся к гладкой черной морде. Николас подъехал ближе, и оба ребенка высунулись, причем девочка робко протянула маленькую ручку, а ее брат бесстрашно гладил мощную шею коня.

Николас улыбнулся и ответил на их вопросы о Сильванусе. Посмотрев вперед, он увидел Питера, скачущего к ним.

Рыцарь повел своего пятнистого коня рядом с Сильванусом, отчего Кристиан пришел в дикий восторг. Сзади Тибби потянула мальчика за тунику, когда он чуть не вывалился от радости, и пригрозила, что он не будет гладить лошадь до конца пути, если не успокоится.

– Милорд, – заговорила Изабель. Николас поднял бровь. – Мы еще не приехали в Хоксмур? Мы едем так долго...

Николас улыбнулся и вытянул руку.

– Вон там, за широкой полосой леса, видите башни на фоне неба?

Дети карабкались друг на друга, чтобы посмотреть, а Тибби громко вздыхала.

– Наконец-то, милорд. С тех пор как мы выехали, они уже примерно тысячу раз спросили об этом. – Она взяла на руки Гарри, который только что проснулся и теперь удивленно смотрел вокруг.

Питер снял капюшон и встряхнул своими медными кудрями.

– Этот протяженный участок леса впереди никак нельзя объехать, как вы знаете, милорд. Уайтхок решил двигаться сквозь него.

– «Мечи наготове, вытащены лук и стрелы...» – повторил Николас известные слова военной песни. – Как давно это было, Перкин?

– Когда Уайтхок заезжал в лес? Восемь лет назад.

– Однако он не забыл.

– Вы помните, чтобы он хоть раз забывал об оказанном ему неуважении? Особенно о таком, как тогда.

– То была тщательно спланированная облава.

– Да, верно, и даже больше. Разве он не потерял золото и столовое серебро, и партию зерна и товары, которые везли через лес в его замок? А также несколько людей?

– Да, и людей. Впрочем, о потере людей всегда нужно сожалеть, клянусь Богом.

– На протяжении двух лет Уайтхок пытался отомстить лесным злодеям. – Питер посмотрел Николасу в лицо, его голубые глаза светились. – Думаете, он когда-нибудь ослабит свою охрану? Нет, он до конца своих дней будет заезжать в лес в полной боевой готовности.

– Особенно с тех пор, как Зеленый Человек начал надоедать его эскорту, – прокомментировал Николас.

– Да, это так. Молитесь, чтобы мы не встретили этого лешего сегодня. Детворе от этого несколько месяцев будут сниться кошмары.

– О Господи, – простонал Николас. – Только не у меня дома.

– Сэр Питер, я хочу проехаться верхом с вами! – выкрикнул Кристиан. – Вы мне обещали.

– Конечно, парень! – ухмыльнувшись, крикнул Питер. Николас удивлялся хорошему настроению приятеля. Сам он был мрачен, словно на похоронах. – Только попозже, – продолжил Питер. – Сейчас мы должны ехать осторожно, потому что приближаемся к опасному лесу.

Глаза Кристиана стали как плоски, а Изабель испуганно взвизгнула.

– Осторожнее, Перкин, – пробурчал Николас, – иначе будете успокаивать их оставшуюся часть пути.

В глазах Питера сверкнул озорной огонек.

– Здесь бывают разбойники, сэр? У нас возле Эшборна нет разбойников, милорд. Там нет опасных лесов, только строевой лес, где моя сестра учится стрелять из лука, – сказал Кристиан.

– Что? – переспросил Питер. Николас бросил на мальчика сердитый взгляд и хотел вмешаться, но Питер продолжил: – Ваша сестра? Не эта прекрасная леди? – Он подмигнул Изабель, которая засмеялась.

– Нет. Изабель нравится быть только тупой принцессой. – Та толкнула его, но он не обратил внимания. – Моя сестра Эмлин иногда стреляет из лука. У нее не очень хорошо получается. Гай пытался научить ее, и меня тоже.

Питер поднял бровь, глянув на Николаса.

– Леди Эмлин – лучница, милорд. Вы знали?

Николас почувствовал, как его щеки покрываются румянцем. Питер радостно ухмыльнулся и наклонился вперед.

– Она подстрелила крупную дичь давеча, клянусь вам.

Кристиан удивленно смотрел на него.

– Откуда вы узнали, что она ездила в лес?

Питер весело и долго хохотал.

– Езжайте вперед, простофиля, и напомним людям, что надо вооружиться при въезде в лес, – быстро сказал Николас.

– Хорошо, но вам не стоит остерегаться врага, который бродит по строевому лесу в Эшборне. – Продолжая усмехаться, Питер повернул лошадь и поскакал галопом к стражникам, ехавшим позади экипажа.

Николас натянул поводья, быстро кивнул на прощание Тибби и детям и поскакал вперед. Николас знал, что, в отличие от других приятелей, склонных к злорадным насмешкам, Питер будет вести себя разумно, хотя в разговорах наедине у того будут время от времени проскальзывать кое-какие подковырки.

Он потерял рукой свое бедро. Раненая мышца из-за стольких дней дороги сильно болела, хотя, благодаря швам Тибби и ее мазям, заживала хорошо. Он отдохнет, когда приедет в Хоксмур, но только денек-другой. Пока он размышлял о своем долге перед семьей Эшборн, в его голове начал созревать план. Но чтобы осуществить его, придется в скором времени покинуть Хоксмур.

Эскорт заехал в лес и двигался под сводами деревьев по широкой лесной дороге, залитой спокойным зеленым светом. Николас почувствовал, как его тело мало-помалу расслабляется, и лес начинает оказывать свое привычное волшебное влияние. Как всегда, успокаивающее пение птиц и шелест листьев, благоухающий воздух и теплые солнечные лучи ловко лишали тяжести его мышцы и настроение. Вот где он чувствовал себя по-настоящему дома, хотя в лесу с ним часто происходили опасные вещи.

Он вернется в лес, как только сможет. Разместит детей в Хоксмуре, отдохнет немного и решит, когда лучше отправиться в Лондон.

Улыбнувшись про себя, Николас признал, что, возможно, его отец не зря опасался леса. В любом случае пусть он еще немного побоится.

Глава 6

В конце концов окна все же остались в Эшборне. Стражники Уайтхока, которым не терпелось присоединиться к приятелям в крепости Греймер, не стали ждать, пока из деревни вызовут столяра, и быстро, неумело вытащили болты, на которых держались деревянные рамы. После того как треснуло одно стекло, Эмлин с жаром заявила Хью де Чаванту, что лучше оставить окна в Эшборне, нежели совсем их потерять.

Чавант страдал косоглазием, и его нелепый взгляд заставлял ее чувствовать себя неловко, но именно он должен был позаботиться о том, чтобы новая невеста Уайтхока в целости и сохранности прибыла в Греймер. Когда дожди стали лить потоками и дороги превратились в полосы грязи, путешествие на север стало невозможным, ведь они могли серьезно застрять. Поездку пришлось отложить почти на неделю.

Эмлин устраивало это дополнительное время, ведь в Эшборне как раз началась посевная. Она много часов проводила, спрашивая советов Уота, обсуждая посадку, пересчитывая количество недавно родившихся ягнят на ближайших фермах и помогая каждому владельцу решить, сколько овец продать на рынке, а сколько оставить на еще один сезон. С многочисленными долгами Эшборна прибыль от шерсти была сейчас особенно важна.

Несмотря на то что не хотела становиться женой Уайтхока, Эмлин послушно готовилась к нежелательной свадьбе. Из кладовой были изъяты яркие шелковые платья, украшенные парчой, со старомодным вырезом, когда-то сшитые для ее более высокой мамы. Опытная швея подогнала платья по фигуре Эмлин и переделала по новой моде – сделала закрытыми на груди и утянула рукава.

Эмлин со служанкой Жанной сортировали и упаковывали одежду в деревянные сундуки, посыпая ее сухими лепестками роз. Пяльцы для вышивания были разобраны и сложены в деревянную шкатулку вместе с материей и нитками. В спешке шились новые простыни из белого холста, найденного в одной из кладовых. Жанна при этом ворчала, что если граф столько лет жил без жены, то неизвестно, в каком состоянии пребывает его спальня.

Мысль о том, что нужно будет делить кровать с графом, заставила Эмлин вздрогнуть.

Осторожно завернув в шелк листы манускрипта для Гая, она сложила их в коробку, которая должна была остаться в Эшборне и быть отправлена позже, когда она обоснуется на новом месте. Обернув замшей несколько кисточек и горшочков с красками, а также старые листы пергамента, она положила их в кожаную сумку, которую планировала взять с собой. Вспоминая на ходу, она бросила в просторную сумку еще кое-какие вещи: плотный синий плащ и серое шерстяное платье, сорочку, шерстяные чулки и льняной головной убор.

Через двенадцать дней после отъезда ее братьев и сестры, в солнечный прохладный день Эмлин попрощалась с Уотом и выехала прочь через крепостные ворота с решеткой – ее зеленый плащ развевался над крупом лошади. Не заплакав, с невозмутимым выражением лица она покинула Эшборн, а за ней катились три нагруженные повозки и ехало больше дюжины стражников.

Скача сквозь мрачный серый туман на третий день пути, Эмлин плотнее завернулась в свой плащ и поглубже спрятала голову в теплый капюшон. И все же девушка чувствовала холод и одиночество. Каждый шаг этого путешествия усиливал ужас, огромным холодным камнем лежащий на ее сердце. Она ехала в Греймер скорее как узница, нежели невеста.

Жанна тряслась в экипаже рядом, кучером был молодой слуга из Эшборна. Хью де Чавант ехал во главе процессии, стражники, одетые в красно-коричневые плащи войска Уайтхока, торжественно скакали парами.

Обоз уверенно продвигался сквозь неприятный мелкий дождь. С одной стороны Эмлин наблюдала крутой, покрытый травой и камнями склон. Он спускался к долине, окутанной густым туманом.

Тишина, если не считать равномерного топота копыт, скрипа деревянных колес и побрякивания металлических доспехов, прекрасно соответствовала нынешнему задумчивому настроению Эмлин. Ведя коня по неровной, поросшей вереском земле, она ушла мыслями глубоко в себя, изучая свою ситуацию, словно это была отделка камня и на каждой грани была возможна трещина.

Если бы у них было достаточно золота, чтобы выкупить свободу Гая, ничего бы этого не случилось. Она отчаянно желала быть с детьми, но интуиция подсказывала ей не выходить замуж. Она чувствовала, что Уайтхок никогда не разрешит детям жить с ней и не даст денег на освобождение Гая.

Эмлин с отчаянием покачала головой. Ей было известно, что женщины редко отказывались выходить замуж, если так решили родственники-мужчины и влиятельные люди. Время от времени женщина, которая была против обручения, уходила на всю жизнь в монастырь или же выходила замуж за другого. Оба решения вызывали гнев отвергнутой стороны, который обрушивался на семью женщины.

Эмлин едва не рассмеялась вслух. Естественно, во владениях Уайтхока, помимо него самого, не существовало человека, который мог бы жениться на ней. Единственным, что оставалось, было дать обет Богу и уйти в монастырь, хотя она уже поняла, что не создана для такой жизни. Уже несколько лет она ждала замужества и хотела, чтобы это были тесные узы, скрепленные дружбой и уважением, как это было у ее родителей – тихая гавань, способствующая творчеству и любви.

Ясно, что Уайтхок не был такой гаванью. Однако могли появиться дети... Нет, с этим человеком не будет ни мира, ни любви, ни теплоты душевной. Она скорее найдет счастье на ферме.

Разбитая после нескольких часов езды в деревянном седле, обитом кожей, она ерзала и вздыхала. Да, Уайтхок обладал дурной репутацией, но могло быть и хуже – по крайней мере, он, казалось, раскаивается в своих грехах. Он богат и привлекателен, хотя и намного старше. Эмлин видела, от кого сын унаследовал рост и телосложение, а также склонность краснеть. Она отбросила эту мысль.

Больше всего ее настораживал грубый и жестокий характер Уайтхока. Уот и Тибби в один голос называли его безжалостным. Даже его сын Николас загадочно, но точно описал греховную сущность отца. Как умерла его первая жена? Почему вина пала на Уайтхока? И зачем эта странная епитимья?

Эмлин знала, что между отцом и сыном лежит обида с примесью ненависти. Лучше ей совсем не выходить замуж, чем породниться с таким кланом. Но любое неповиновение приказам короля было так же рискованно, как плавание под парусами против холодного северного ветра.

Уже слишком поздно, печально подумала она, ничто не сможет помешать запланированной свадьбе. В окружении личной охраны графа она ехала прямо в его крепость.

Погруженная в невеселые раздумья, Эмлин как загипнотизированная слушала грохот и скрип колес повозки. Неожиданно у нее, будто искра, возникла новая мысль. Она выпрямилась, пораженная ее очевидностью, – ей вспомнились слова Николаса де Хоквуда, произнесенные им на лестнице.

Эмлин слабо улыбнулась. Возможно, существует способ остаться с детьми и не выходить за графа. Идея была скорее глупая, чем опасная, – она это понимала, но ничего лучшего

ей в голову не пришло. Это парадоксально, но Николас де Хоквуд предоставил ей шанс расстроить планы короля.

– Миледи! – Голос Жанны прервал ее сосредоточенные мысли.

– Да? – Эмлин повернула голову и улыбнулась Жанне, которая предложила себя в качестве компаньонки в дороге, разумно обратив внимание хозяйки на то, что не положено девушке одной путешествовать с несколькими солдатами. Эмлин была благодарна за ее общество.

– Миледи, туман становится густым, как суп, а мы приближаемся к лесу, – сказала Жанна. – Подумайте, может, нам лучше остановиться, чем продолжать путь в такую погоду? – Девушка широко распахнула глаза, и Эмлин озадачил ее дрожащий голос.

Поглощенная своими мыслями, она не заметила, что влажные завитки тумана начали скрывать близлежащую сельскую местность. Сквозь туман маячил лес, темный от дождя.

– Я не знаю, – ответила она и увидела, как Жанна нахмурила брови. – Что-то не так? Ты заболела?

– Ах, миледи, я очень боюсь ездить среди белых туманов. В этой северной местности в лесах и полях водятся призраки.

Эмлин нетерпеливо вздохнула.

– Жанна, это все сказки.

– Да, вы сами рассказывали, возле большого камина в снежный вечер. Но откуда могли взяться эти истории, миледи? Томас будто бы слышал, что призраки настоящие. – Жанна ударила кучера по плечу. – Том, скажи леди Эмлин, о чем мы говорили.

Молодой человек, слуга из Эшборна, ровесник Эмлин и Жанны, хмуро посмотрел на хозяйку и почесал чуб.

– Миледи, мои мать и дядя родом из этой местности, и я слышал здешние истории о лесных духах и языческих призраках. Даже недавно здесь видели злых духов.

Эмлин нахмурилась.

– Призраки язычников, Томас?

– Да, они существуют.

Молодому человеку было явно не по себе, и Эмлин вздрогнула от мрачного предчувствия, хотя не верила в существование призраков. Ее вместе с братьями и сестрами учили принимать старые обряды, а не бояться их. Бабушка Эмлин по материнской линии происходила из кельтов и была язычницей и целительницей, совмещая все это с жаркой христианской набожностью. Старое языческое «зло» было просто культом, основанным на принятии благодати и щедрости земли, и могло бы легко и благополучно соединиться с христианской верой.

Томас снова заговорил:

– Вы знаете о лесном злом духе, Зеленом Джеке?

Эмлин удивленно оглянулась.

– Зеленый Человек? Каждый ребенок знает о нем, Томас, он – легенда, глупый персонаж из шуточных пьес. Каждый год в мае человек в деревне возле Эшборна надевает на голову венок, обсыпается цветами и листьями и танцует. Это обычное явление.

Томас мрачно кивнул.

– Миледи, здесь Зеленый Человек настоящий. Его многие видели. Он крадет овец, свиней и детей для своих дьявольских целей.

Жанна подняла на него испуганные карие глаза.

– Миледи, с нами же ничего здесь не случится?

Эмлин покачала головой и мягко засмеялась.

– Конечно, мы в безопасности, ведь мы не дети, и не овцы, и не свиньи. Кроме того, какое создание в здравом уме будет выходить на охоту в такой сырой день, как этот! Вы двое такие трусишки, как старушка на смертном одре, которой видится дьявол в изножье кровати.

– Значит, вы считаете, что Зеленого Человека не существует? – спросила Жанна.

Эмлин улыбнулась, в ее глазах плясали чертики.

– Единственный Зеленый Человек, которого я знаю, это старик Тий из деревни. Помните леденцы, которые он нам давал? А как он жонглировал ими!

– Сюда скачет Чавант, – неожиданно сказала Жанна.

Эмлин увидела Хью де Чаванта, несущегося к ним назад вдоль эскорта. Хотя о нем говорили, что он самый надежный и способный из людей Уайтхока, Эмлин находила его глупым, коварным и лишенным чувства юмора.

Чавант приблизился к ней и быстро кивнул.

– Леди Эмлин. – Его косой глаз пассивно и боязливо блуждал по сторонам, в отличие от второго, темно-карего, пристально смотревшего на нее. – Если вы устали, мы остановимся отдохнуть прямо сейчас. Лес должен немного защитить нас от дождя.

Эмлин ощущала смутное беспокойство всякий раз, когда Чавант глядел в ее сторону, даже если оба глаза смотрели на нее одновременно.

– Я могу продолжать путь, милорд. – Тайно плетя паутину своего нового плана, она предложила: – Но мы можем остановиться в аббатстве, переночевать и поесть горячего. Мой дядя живет в аббатстве Уистонбери недалеко отсюда.

Чавант нахмурился, сдвинув свои густые черные брови.

– Уистонбери находится южнее. Такой круг не совсем удобен, поскольку мы движемся на северо-восток. Отряду Уайтхока вряд ли окажут благодушный прием в том аббатстве. Погода ухудшается, боюсь, что скоро пойдет сильный дождь. Я предлагаю вам передохнуть сейчас, вон под теми деревьями, или же мы помчимся вперед как можно быстрее.

Эмлин вздохнула. Ей уже надоели дождь, грязь и бесконечные холодные мили с эскортом. Если у нее не получится остановиться в аббатстве, ее план не осуществится так легко, как она надеялась.

– Я хочу остановиться в аббатстве, – настойчиво повторила она.

– Мы не можем этого сделать. Мы доберемся до Греймера к полуночи, если поторопимся. – Чавант бросил куда-то сердитый взгляд. Движение его глаза показалось Эмлин интересным. – Если бы не повозки, мы были бы там раньше. Больше остановок не будет.

– Как вам угодно, милорд, – вздохнула она, решив пока отложить этот вопрос. Интуиция подсказывала ей, что не следует противоречить Чаванту.

Он наклонился вперед и прошептал:

– Мы въезжаем в лес, миледи, и я должен предупредить вас, что там могут быть разбойники.

Эмлин встрепенулась. По правде говоря, подумала она, банда лесных разбойников как раз не помешала бы, если бы только это не было байкой. Ведь тогда у нее появился бы шанс сбежать. Она нервно покусывала губу.

Чавант улыбнулся.

– Мы защитим вас, миледи. Лорд Уайтхок всегда требует от нас быть предельно осторожными в лесу. Наши люди имеют неплохой опыт встреч с опасными злодеями. – Он выпрямился в полный рост, который был, впрочем, не слишком внушительным. В своем красно-коричневом плаще, с непослушными темными волосами, торчащими из-под капюшона, и желтоватой загорелой кожей он походил на мелкого угловатого петуха.

– Бандиты, милорд? – Лесные разбойники всегда вызывали у нее живой интерес, и, считая сказки о них восхитительными, она безумно хотела услышать упоминание об одном конкретном человеке. – Пугающая перспектива. В этой местности водятся разбойники?

Блеснув своим косым глазом, он наклонился к ней.

– Вам не нужно ничего бояться во время этого путешествия, леди Эмлин. Мы можем защитить вас. Только один бандит посмел напасть на лорда Уайтхока, но он был побежден много лет назад.

– О! Интересно, слышали ли мы в Эшборне что-нибудь о нем?

– Его звали Черный Торн – грубый саксонский волчонок. Он нападал на каждый эскорт и телеги с продовольствием, которые ехали в крепость Греймер или из нее. Мы жестоко преследовали его. Но Черный Торн исчез около восьми лет назад, после того как сбежал от стражников Уайтхока. С той ночи его никто не видел.

Сердце Эмлин застучало быстрее. Несколько лет назад в Эшборне прошел слух о смерти Торна.

– Исчез, милорд?

– Он давно умер, миледи, хотя мы так и не нашли тело. Местные крепостные сообщили о его смерти. Он кидался на графа, как дикая собака, этот Торн, и не перестал бы этого делать ни с того ни с сего, без всякой причины. Умер, да, давным-давно.

Глубоко внутри Эмлин до сих пор жила девочка, продолжавшая восхищаться добрым красивым саксонцем. Но она выросла и должна была выйти замуж за неприятного злого старика, из-за которого Торн погиб. Эмлин почувствовала, как внутри у нее все сжалось.

– Зачем ему было нападать на лорда Уайтхока, милорд?

Чавант посмотрел на нее косым глазом. Когда она впервые встретила его, этот глаз сбивал ее с толку. Сейчас, по своеобразному движению его взгляда, она уже поняла, что ему неприятен ее вопрос.

– Что касается того, почему он присваивал бесчисленные партии товара, золото и хорошие вещи, то мы никогда этого не узнаем, хотя Уайтхок предполагал, что это имеет отношение к земельным спорам. – Чавант почесал бороду грубыми грязными пальцами.

– Земельные споры? – Эмлин с любопытством уставилась на него.

– Да, между Уайтхоком и монахами из двух близлежащих аббатств шли споры из-за пастбищ для овец и права на строительство в долине ниже нас. Ее называют Арнедейл, она лежит к югу от Хоксмур и к западу от Греймера. Бароны и духовенство часто спорят по такому поводу, миледи. Черный Торн, скорее всего, был сыном пастуха или родственником аббата или монаха, который считал, что Уайтхок урезает церковную землю.

– Чья это земля? Был ли тот спор улажен?

– По закону она принадлежит Уайтхоку, это было наследство его жены. Он ожидает окончательного вердикта королевского суда в ответ на свое требование. Это всего лишь формальность, ведь прошло уже столько лет.

– После смерти Торна, милорд, эта местность, конечно же, безопасна.

– Большинство нападений Торна происходило в лесу, вот почему лорд Уайтхок остается бдительным и путешествует только по основным дорогам. Таким способом он защищает себя от разбойников. – Он замолчал и снова посмотрел на нее весьма странным взглядом. – Однако, миледи, в этих местах существуют некие злые духи.

– Я уверена, вы защитите меня, как защищали всю дорогу, с тех пор как мы покинули Эшборн, – сдержанно произнесла Эмлин. Чавант натянуто улыбнулся, поклонился и поспешил к стражникам во главе процессии.

Жанна повернулась к Эмлин.

– Вы действительно относитесь к лорду Чаванту с большей учтивостью, чем я, миледи, клянусь вам. – Она вздрогнула.

Эмлин наклонилась к Жанне и прошептала:

– Он стал относиться к нам с большей предупредительностью, когда я начала вести себя с ним любезно, ты разве не заметила? Он странный человек, это точно, и по-своему

неприятный, но он не вызывает во мне столько ярости, сколько Уайтхок или его сын. – Ее щеки неожиданно покраснели при мысли о последнем, и она дерзко вскинула подбородок.

При упоминании о Николасе де Хоквуде у Жанны на щеках появились обаятельные ямочки.

– Ах, молодой барон... Он хороший человек, – выдохнула она, – красивый мужчина, как... темный ангел.

Эмлин еще сильнее залилась краской, неожиданно вспомнив барона в горячей ванне. Его сильный торс, мокрый и скользкий, блестел при свете камина, и темные волосы вились вокруг обманчиво ангельского лица...

Затем она представила в его волосах торчащие рога – вот так-то лучше.

– Хоквуды, отец и сын, не заслуживают нашего восхищения, Жанна, – поджав губы, сказала Эмлин. И хотя Жанна кивнула, глаза ее по-прежнему сверкали.

Произнеся эти справедливые слова, Эмлин завернулась в полы плотного плаща, чувствуя смущение из-за того, что прокручивает в голове непристойные образы Николаса де Хоквуда.

– Не нравится мне это, миледи, – низким голосом произнес Чавант.

Медленно двигаясь рядом с ним, Эмлин пробормотала слова согласия. С тех пор как они заехали в лес, плотные потоки дождя только усиливались. Сейчас они ехали сквозь такой густой туман, что почти не видели друг друга. Туман скрывал ветви деревьев и стелился по земле как гигантский призрак, извиваясь и принимая чудовищные формы, проглатывая лошадей и людей впереди Эмлин, – те исчезали, как по волшебству.

Чавант поскакал галопом перед ней, красно-коричневый плащ и серый зад его коня растворялись в тумане. Доверяя инстинкту своей лошади и надеясь на ее отличный слух, Эмлин последовала за ним. Впереди скачущие всадники зажгли факелы, но с ее места в цепочке света видно не было.

Эскорт продолжал продвигаться вперед, и малейшие звуки – скрип кожаной конской сбруи, побрякивание кольчуги, ритмичный стук деревянных колес – разносились повсюду, создавая эхо и действуя Эмлин на нервы.

Разминая задеревеневшие мышцы шеи и плеч, она оглядывалась вокруг, упираясь носом в стену непроглядного тумана. Снова пошел мелкий дождь, превращая кудряшки вдоль ее щек и над бровями в медовое золото.

Спереди доносились низкие голоса, ведущие возбужденный разговор. Эмлин прислушалась, но не смогла разобрать слов. Через несколько секунд она услышала резкое восклицание.

– Что это? – выкрикнула она. – Чавант! Что случилось?

– Тише! – ответил тот, появляясь из тумана впереди. Он выпростал руку, призывая к тишине, и описал головой дугу, прислушиваясь и косясь в туман.

– Что такое? – громко прошептала Эмлин.

– Ничего. Езжайте вперед, – прошипел он.

– Может быть, нам стоит все же остановиться, милорд, – сказала она. – Туман такой густой...

– Я никогда не остановлюсь здесь! Мы должны выйти из этого леса до темноты. Если будем идти четко по тропе, то довольно скоро выйдем на окраину леса. Степь тоже укрыта густым туманом, но ехать станет гораздо легче.

До них донесся взволнованный шепот.

– Милорд Чавант, – настаивала Эмлин. – Что происходит?

Чавант с досадой вздохнул.

– Мои люди говорят, что за нами наблюдают, возможно, следят.

Тонкие брови Эмлин вздернулись от удивления. Кто осмелится напасть на эскорт невесты лорда Уайтхока? Если бы у нее были личные враги, она, конечно же, перешла бы сейчас на их сторону. Никакие бандиты не шатались бы в такую ненастную погоду. Любой здравомыслящий человек сидел бы сейчас у огня.

– Но кто может следить за нами? – спросила она Чаванта. Он подъехал к ней ближе и обвел ее косым свирепым взглядом.

– Никто на этой земле. – Его глаз переместился в сторону и остался там. – Мы едем дальше. Миледи, вам будет гораздо удобнее и безопаснее в экипаже.

Эмлин спокойно посмотрела на него. Она уже отказывалась от этого предложения дважды за сегодняшний день.

– Нет, милорд, – упрямо и гордо возразила она.

– Как вам угодно. Не сходите с тропы и смотрите на огни. Я пришлю Жерара, чтобы он нес факел перед вами. Миледи... – Он поклонился, слегка опустив голову, и вскоре скрылся в густой дымке.

Эмлин прищипорила коня и поскакала вперед, наклоняясь вниз и пристально глядя на землю под копытами лошади. Удостоверившись, что едет по ровной травянистой поверхности лесной тропы, она выпрямилась и поскакала на звуки впереди.

– Эй! – донесся сквозь туман какой-то голос. Эмлин подпрыгнула, словно от удара.

Когда она повернула голову, туман между деревьями, которые были похожи на призраков, будто рассеялся, открывая взору какого-то всадника невдалеке. Он не двигался – это было огромное неясное очертание.

Туман, казалось, отступил и образовал бесформенный ореол вокруг мужчины и коня. Эмлин отчетливо рассмотрела его за секунду до того, как туман обволок и снова поглотил его. Он не являлся одним из стражников, потому что на нем не было красно-коричневого плаща и кольчуги с капюшоном. Эмлин не видела, во что он одет. Высокий и мускулистый, он сидел на светлой лошади, крепкое тело было завернуто во что-то зеленое. Его волосы развевались вокруг огромного овала лица, а глаза представляли собой глубокие впадины.

Эмлин не могла дышать. Это был не человек, это было громадное зловещее существо, великан из переплетенных веток и листьев, напоминающий ожившее дерево. Гигантское тело возвышалось, как массивная гора, под плащом светло-зеленого цвета.

Мощная рука, больше похожая на крепкую ветку, усыпанную листьями, поднялась. Что-то сверкнуло, топор или меч, в его листовых пальцах. Существо повернулось и, казалось, указало прямо на нее своей длинной рукой.

Кто-то вновь закричал, на этот раз позади нее, и лошадь заржала.

– Скачи вперед! – заревел один из стражников. – Скачи вперед!

Трое из четырех солдат проскакали мимо нее, притесняя ее лошадь и окружая ее. Один стражник протянул руку, чтобы схватить ее поводья и потянуть за собой, но наклонился слишком поздно и промахнулся.

– Следуйте за мной, леди! – выкрикнул он, устремляясь галопом вперед.

В панике она прищипорила лошадь, но животное начало вертеться по кругу, запутываясь в вожжах. Ее обволокла стена густого белого тумана. Холодный влажный воздух касался ее рук и щек, врываясь в легкие с каждым быстрым вдохом. Она уже ничего не понимала, у нее кружилась голова. Наконец она сильно натянула поводья, лошадь прекратила крутиться и стала смирно, тяжело дыша, чувствуя сомнения хозяйки и не зная, куда скакать дальше.

Где-то слева от нее послышались приглушенные крики. Просунув ноги глубже в стремени, она направила своего скакуна туда.

Ее сердце сильно стучало. Ей хотелось прищипорить коня и во весь опор помчаться вперед, но она боялась ехать быстрее, переживая, что лошадь споткнется и упадет, понимая, что каждый неуверенный шаг может приблизить ее к лесному чудищу.

Она видела это существо. Это не было обманом зрения из-за тумана. Потерев глаза, чтобы видеть яснее, она остановила лошадь. Сейчас она ничего не видела ни впереди, ни сзади, ничего, кроме стелющегося бледного тумана.

– Чавант! – выкрикнула она. – Жерар! Я здесь! – Ее голос разносился по лесу зловещим эхом.

– Леди Эмлин! – позвал кто-то. – Стойте там! – Голос звучал где-то далеко.

– Здесь! Я здесь! – кричала она.

Неожиданно впереди блеснул огонек, как золотая звезда в белесом небе. Значит, это послали стражника, чтобы он принес ей факел. Облегченно вздохнув, она направила лошадь вперед, медленно продвигаясь на свет.

У дороги перед ней из тумана появилась огромная темная фигура.

– Слава Богу, – пробормотала она.

Эмлин ослабила поводья, желая, чтобы ее увели в безопасное место, и с облегчением отклонилась в седле. Вдруг она резко подалась вперед.

Огромный зеленый коготь зацепил уздечку. Эмлин закричала. У приблизившейся лошади был бледно-зеленый зад и желтоватый хвост. Она снова завизжала, услышав крики стражников, и попыталась развернуть своего коня. Растерявшись, животное встало на дыбы. Эмлин соскользнула с седла и больно ударилась бедром о твердую землю.

Она попыталась сесть. Ее лошадь лягнула копытами, и железная подкова слегка задела голову девушки. Отброшенная ударом в сторону, она покачала хмельной головой, поднялась на колени и поспешно отпрянула, чтобы избежать еще одного удара. Когда она отходила, то споткнулась о свою сумку, ощупью схватила ее и поползла в кусты папоротника.

Она слышала, как существо скачет за ней, словно туман не мешает его мистическому зрению. Оно продвигалось по лесу тяжело и стремительно, направляясь прямо к ней. Эмлин бежала, запыхавшись, не зная дороги, ничего не видя в клубах тумана; ее голова кружилась и болела от удара лошади. Она поддавалась природному желанию бежать, быстро бежать прочь от этого чудища. Она бежала, шумно и бесцельно.

Через некоторое время Эмлин поняла, что единственными звуками вокруг были ее собственное тяжелое дыхание и ее же шаги по хрустящему подлеску. Она остановилась и прислушалась. Густой воздух наполняла тишина. Звуков преследования слышно не было. Ни чудища. Ни стражников.

Дрожащей рукой она убрала назад спутанные локоны, падавшие ей на глаза. Вокруг никого не было. Затем появилась новая мысль – первая логичная мысль, посетившая ее за последние несколько минут.

Она избавилась от эскорта.

Быстро передвигаясь, она несколько минут бежала по лесу, несмотря на туман. Вскоре Эмлин услышала отдаленный грохот, более громкий, чем шум непрекращающегося проливного дождя: топот лошадей.

Не задумываясь она нырнула в мокрую траву, скользнула по мокрым листьям и прижалась телом к корням деревьев. Едва она успела набрать полные легкие воздуха, как мимо пронеслось несколько всадников. Выглянув из зарослей, она рассмотрела сквозь слабый туман четырех стражников Чаванта, остановившихся неподалеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.